

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Н. М. Золотухина*

ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости в исторических исследованиях четкого разграничения исторического и современного содержания терминов. В данном случае речь идет о терминах: самодержавие, абсолютизм и теократия. Термин «самодержавие» имеет историческое и современное значение. В XII—XVII вв. им обозначалась только независимость и суверенность государства; носитель верховной власти, называемый самодержцем, воспринимался как государь, независимый ни от какого другого властелина, не платящего дани, т.е. суверенный государь.

В этот исторический период термином «самодержавие» определялись независимость и суверенность государя и возглавляемого им государства, как во внутренних, так и особенно, внешних отношениях. Абсолютная монархия («абсолютизм») как форма правления начала складываться только во второй половине XVII в., а свое юридическое оформление получила в первую четверть XVIII в. В этот период термин «самодержавие» изменяет свою семантику, переходя от широкого значения — суверенность государства, к ограниченному, характеризующему верховную власть в ее внутреннем функционировании, обозначая ее как неограниченную монархию («абсолютизм»). С этого времени термины «самодержавие» и «абсолютизм» становятся синонимами. В таком значении они применяются и в настоящее время, поэтому, представляется, что для адекватной характеристики этапов государственного строительства в России необходимо четко различать историческое и современное значение таких ключевых терминов средневековых законодателей и мыслителей, как «самодержавие» и «абсолютизм».

Советская и отчасти современная гуманитарная наука в основном воспринимает термин «самодержавие» только в современном его значении — абсолютизм, без соотнесения со временем возникновения, выяснения первоначального значения и последующей эволюции, что часто приводит исследователей к утверждению о возникновении абсолютизма в России уже в XV—XVI вв., называя при этом форму правления «самодержавной деспотией» (Д. Н. Альшиц, Я. С. Лурье и др.), «неограниченным самодержавием» (в значении «абсолютизм» — С. А. Орлов, В. А. Георгиев и др.); «земским самодержавием» (А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев); «православным самодержавием» (Р. Т. Мухаев, Ю. В. Пуздрач, И. Я. Фроянов). Соответственно, политические доктрины этого периода характеризуются как «доктрины русского самодержавия», «самодержавного абсолютизма» (Н. В. Асонов); «развитое учение о самодержавном единовластии» (А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов).

Объяснить такой анализ средневековых категорий возможно только приверженностью к традициям, сложившимся во второй половине XIX в. — начале XX в., восходящим к формуле: «самодержавие, православие и народность», усвоенным и тиражированным в советский период.

© Золотухина Н. М., 2016

* Золотухина Наталья Михайловна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела теории и истории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, профессор
nzolotuhina@list.ru
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69-а

Между тем точка зрения на форму правления, сложившуюся во второй половине XVI — середине XVII в., как на сословно-представительную монархию практически разделяется всеми историками-юристами и излагается во всех учебных курсах по дисциплине «История государства и права России» и «История политических и правовых учений». Разногласия между исследователями, как представляется, имеют две основные причины: первая — игнорирование исторического содержания термина «самодержавие», и экстраполяция на Средние века его современного значения — «абсолютизм»; вторая — подмена элементов формы государства: формы правления (организация верховной власти) политическим режимом (совокупность средств методов реализации верховной власти в государстве). В большинстве вышеприведенных высказываний совмещены оба элемента формы государства: форма правления и политический режим.

В статье утверждается давно назревшая необходимость выработать единую методологию употребления терминов, характеризующих средневековую государственность и сопровождающую ее политико-правовую идеологию, применяя термины ключевого аппарата средневековых законодателей и мыслителей в их историческом, а не современном значении.

Ключевые слова: *Средневековье, идеология, дискуссия, термины, методология исследования, категории, самодержавие, абсолютизм, теократия, верховная власть, традиция, типология, источник, монархия, понятийный аппарат, синонимы, совет, синклит, эволюция, аллегория, государство, право, правда, закон и истина.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.202-230

Известный российский медиевист А. Я. Гуревич предупреждал исследователей о том, что «основные понятия, которыми неизбежно пользуются гуманитарные науки, сложились в Новое время, и применение этих понятий к обществам далекого прошлого чревато опасностью приписать им такие отношения, которых тогда не существовало... И здесь гарантией может служить только строго исторический подход к подобным категориям и общим понятиям, сознание того, что сами по себе они результат длительного развития». В своей более поздней работе А. Я. Гуревич подчеркнул, что «единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации не существует...», обратив внимание на необходимость учитывать религиозно-философское мышление средневековых людей, для которых вера в Бога «была не гипотезой, а высшей истиной, на основании которой группировались все их представления и идеи; истина, с которой были соотнесены их культурные и общественные ценности, конечный регулятивный принцип всей картины мира эпохи». При этом он обратил внимание, что высказанные им соображе-

ния имеют особенное отношение к Средним векам, ибо «трудно назвать другую историческую эпоху, применительно к которой односторонность достигала бы таких поистине гомерических размеров, как Средневековье»¹.

Я. С. Лурье усматривает задачу историка не в «осуждении» и не в «защите» источника, а прежде всего, «в установлении того, что он представляет собой и какие вопросы могут быть перед ним поставлены. Обращаясь к источникам, исследователь должен отрешиться от каких бы то ни было "презумпций". Единственной целью их изучения является установление истины»². Добавим еще и соображения о недопустимости приклеивания к источникам ярлыков в виде устоявшихся штампов, сложившихся, кстати, более полутора веков назад, при совершенно «другой исследовательской кухне» (А. А. Зимин); а также бесплодных поисках классового сознания и классовой идеологии в целях установления, к какой социальной группе принадлежат «творцы политической теории русского самодержавия»; обнаружения «приверженцев царского самодержавия», или «идеологов теократического самодержавия» и т.п.

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. С. 7 ; Он же. Избранные труды. Средневековый мир. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. С. 26.

² Лурье Я. С. О так называемой «презумпции невиновности» источника // Избранные статьи и письма. СПб. : Европейский институт, 2011. С. 97.

Представляется также необходимым учитывать и такой факт: мыслители, вышедшие из монашеской среды, давно покинувшие мир, оторвавшиеся от своей социальной среды, более склонны выражать общегосударственные и даже, в какой-то степени, общечеловеческие идеи, нежели узко «классовое сознание». Поэтому выяснение классовой позиции источника и его создателя — занятие непродуктивное, и, главное, не способное заменить исторический подход к древним и средневековым памятникам, отсутствие которого, как заметил А. И. Филюшкин, приводит к лишению их своей истории. При этом он обратил внимание, что исследователю необходимо учитывать не только историческое значение терминов, но и расшифровывать и определять их содержание с учетом эволюционных изменений, которые происходили с ними в течение длительного времени их существования. «Интерпретация текста может быть *первичной* (исходя из особенностей языка, на котором написан текст) и *вторичной* (акт связи между традиционным лексическим значением слова и его сегодняшним пониманием (курсив автора))»³.

Историки права И. А. Исаев, В. А. Рогов, В. В. Рогов, Ю. П. Титов⁴ всегда настаивали на тщательном исследовании политико-юридической терминологии, помогающей наиболее адекватно воспринимать и анализировать текст источника⁵. В. А. Рогов отмечал, что «искусственное вкладывание настоящего в про-

шлое приводит к искажению самого прошлого, к некорректности его отражения в деятельности людей, живших долгие столетия назад»; часто в современных исследованиях не учитывается, «что само государственно-правовое прошлое было следствием действий и поступков людей, думающих и действующих в совершенно иных формах и категориях, иных критериях моральности, с абсолютно иных теоретических позиций»⁶.

Историки-юристы, исследующие средневековые учения о государстве и праве России, — С. В. Юшков⁷, Б. И. Сыромятников⁸, Ю. Ф. Сальников⁹, Н. М. Золотухина¹⁰ и др. — неоднократно обращали внимание на необходимость выработки единой методологии исследования историками и историками-юристами при формулировании понятий, обозначающих «самодержавие» и «абсолютизм»; проведение тщательного анализа терминологии, обозначающей эти категории; выяснения взаимоотношений между ними, с учетом таких факторов, как время возникновения и последовательность сменяемости.

Однако и в настоящее время далеко не все разногласия преодолены между исследователями в понимании понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей и в выяснении значения выражающей его терминологии. Как представляется, основной вопрос заключается в различии применяемой учеными методологии исследования, ибо несмотря

³ Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 178—179.

⁴ Титов Ю. П. Проблемы российского абсолютизма // Проблемы истории абсолютизма : сб. научных трудов. М. : ВЮЗИ, 1983. С. 4—23 ; Он же. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Сословно-представительные монархии: государственность — право — идеология : сб. науч. тр. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 93—122.

⁵ Исаев И. А. Символизм правовой формы: историческая перспектива // Истоки и формы права. 2005. № 4. С. 4—22 ; Он же. Нормативность и авторитарность. Пересечение идей. М. : Наука, 2014 ; Он же. Мифологизм закона: право и литература. М. : Проспект, 2015.

⁶ Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология. Очерки IX — середины XVII в. М. : МГИУ, 2006. С. 5—6.

⁷ Юшков С. В. История государства и права России (IX—XIX вв.). Изд. доп. и перераб. Ростов н/Д : Феникс, 2003.

⁸ Сыромятников Б. И. Из истории политических учений // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 21—28.

⁹ Сальников Ю. Ф. Основные направления русской общественной мысли конца XV — начала XVI в. // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 3. М., 1957. С. 35—70.

¹⁰ Золотухина Н. М. Проблемы периодизации истории развития русской политической мысли // Сословно-представительные монархии ... С. 123—143 ; Она же. Особенности терминологии понятийного аппарата средневековой политической и правовой мысли России. // Femis. Ежегодник истории права и правоведения. Вып. 11. М. : МГИУ, 2011. С. 3—23.

на многочисленные призывы к историческому подходу при изучении всего историко-культурного наследия Средневековья как особой ступени развития общества («эпохи Веры»)¹¹, до настоящего времени не выработано единого для всех гуманитарных наук метода анализа семантики основных политических и правовых терминов; не найдено адекватных ключей к раскрытию содержания обозначаемых ими понятий, посредством которых мыслители и публицисты формулировали свои политические идеалы и проекты государственно-правовых реформ, а законодатели создавали тексты нормативных правовых актов.

При исследовании терминологии понятийного аппарата средневековых мыслителей необходимо принимать во внимание подвижность политико-правовых терминов, наиболее остро реагирующих на изменение исторических, экономических и политико-юридических условий и обстоятельств. Политические и юридические термины на протяжении всего времени существования часто меняли объем своего содержания за счет его расширения или ограничения, а иногда и полного изменения, что в конечном итоге приводило к замене их семантического значения, обычно при сохранении внешней формы слова. Такая ситуация представляет особые трудности при исследовании терминологии, занимающей ключевые позиции в политических доктринах мыслителей, публицистов и текстах нормативных актов.

Определение исторического и современно-го значения политической (государственной) терминологии имеет существенное значение не только для понимания текста источника, но и определения этапов государственного строительства, а в особенности, содержания политико-правовых идей и учений, в которых формулировались представления об идеальной для России форме правления и справедливом законодательстве.

В статье предлагается анализ семантики трех терминов: «самодержавие», «абсолютизм» и «теократия», используемых в настоящее время для характеристики организации верховной власти в государстве (формы правления); рассмотрение их исторического значения; дальнейших эволюционных изменений и современную интерпретацию, а также их соотношений с понятием «централизованное государство», выражающим государственное устройство России¹².

В 1960-х гг. состоялась дискуссия в Институте истории АН СССР, целью которой было достижение согласия в научном сообществе в вопросах определения понятий «абсолютизм» и «самодержавие» и установления взаимоотношений между ними, а также выяснения хронологии их возникновения и дальнейшего развития. Дискуссия продолжалась несколько лет и нашла свое отражение на страницах сборника «Абсолютизм в России» (1964) и журналов «История СССР» и «Вопросы истории». Однако единой методологии анализа обеих этих категорий — «самодержавие» и «абсолютизм», — равно как и хронологии их образования и последовательности смены, выработано не было, и, более того, между историками и историками-юристами противоречия только углубились.

Ю. П. Титов, подытоживая материалы дискуссии, отметил, что «к сожалению, никто из участников дискуссии, отличающих понятие “абсолютизм” от понятия “самодержавие”, не дал определения понятию “самодержавие”. Что такое “самодержавие”? Чем оно отличается от “абсолютизма”? Этим вопросам никто из участников дискуссии не только не решал, но даже и не ставил (курсив мой. — Н. З.)»¹³.

В результате уже в настоящее время историк Ю. В. Захаров вновь обратился к вопросу о необходимости «разобраться с терминологией, касающейся типологии монархий» и

¹¹ Алексеев Ю. Г. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по истории средневековой Руси. М., СПб. : Альянс-Архео, 2006. С. 188.

¹² В свете этих рассуждений существенное значение для понимания правосознания средневекового человека, а также судоустройства и судопроизводства, т.е. непосредственного правоприменения, также имеют значение термины, которыми обозначались все эти категории (правда-неправда, истина и справедливость). Этот вопрос в современной исторической и историко-юридической науке также имеет дискуссионный характер, но это отдельная тема, и если обстоятельства сложатся благоприятно, то она будет рассмотрена в статье на тему: «Историческое и современное значение правовой терминологии».

¹³ Титов Ю. П. Проблемы российского абсолютизма. С. 10.

дать определение «разным видам монархий в двух основных вариантах — *юридическом и социально-политическом* (курсив автора. — Н. З.)»¹⁴. «На наш взгляд, — пишет он, — *абсолютизм и самодержавие* являются синонимами понятия «неограниченная монархия» и в этом смысле российское самодержавие является разновидностью неограниченной, т.е. абсолютной монархии»¹⁵. Никаких указаний относительно возникновения и дальнейшего функционирования этих понятий и выражающих их терминов; эволюционных изменений, происшедших в их содержании в течение длительного времени их существования, в статье не содержится. Вывод однозначный и безоговорочный: эти термины синонимы.

Историки-юристы настаивают на необходимости при определении этимологии термина «самодержавие» учитывать не только его современное, но и историческое значение, а следовательно, при анализе его содержания необходимо устанавливать, в каком значении он понимался и применялся в период XII — первой половины XVII в., а в каком в более позднее время. Средневековые мыслители понимали термин «самодержавие» «не в смысле отношения правителя к своим подданным, но в смысле отношений международных»¹⁶. Подтверждением этому служат тексты источников. Авторитетный Ростовский архиепископ Вассиан, по прозванию Рыло, в своем Послании Ивану III на Угрю «переносит на Россию и ее государя ту терминологию, которая, по его пониманию, служит высшим выражением государственной самобытности: называя Россию царством, а Иоанна царем». Архиепископ Вассиан

усиленно доказывает Ивану III, что татарские ханы узурпаторы, которые «по-разбойничьи захватили нашу землю», как и их «новый фараон, поганый Измаилов сын Ахмат», и потому великий князь Московский не обязан повиноваться ему, потому что сам Иоанн III истинный «самодержец и царь»¹⁷.

Митрополит, а затем монах Ферапонтова монастыря, известный писатель XVI в. Спиридон-Савва, обращаясь к великому князю Василию III, именует его «вольным самодержцем», подчеркивая при этом его независимое положение от какого-либо иного носителя верховной власти на всей подвластной ему территории¹⁸. Такое же толкование термина «самодержец» содержится и в Хронографе 1512 г. В рассказе о «Великом княжении Сербском» написано, что «деспот Стефан стал милостью Божией самодержавным господином своей земли... после убийства царя Баязида, когда освободилась сербская земля от ярма подчинения басурманам...»¹⁹.

Средневековые мыслители не сомневались в необходимости самодержавия, но они не рассматривали этот термин как характеристику неограниченности власти ее верховного носителя. Полновластия «царюющей персоны» они, как правило, допускать не хотели. Политическая мысль XV — первой половины XVII в., моделируя монархический идеал, отнюдь не была проабсолютистской²⁰. Мыслители и публицисты, при всей допускаемой ими идеализации монархии, всегда сопровождали свое представление о ее организации различными сдержками, ограничивающими главу государства в его правах и прерогативах, в числе которых неизменно упоминался советный орган

¹⁴ Захаров В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6 — История. http://www.zpu-journal.ru/2008/6/Zakharov/_end6.

¹⁵ Захаров В. Ю. Указ. соч.

¹⁶ Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его Послания. Киев, 1901. С. 514.

¹⁷ Послание на Угрю Вассиана Рыло // ПЛДР. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 523—537.

¹⁸ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М., Л.: АН СССР, 1955. С. 165—166 (публикатор источника Р. П. Дмитриева, комментируя его, подчеркивает: «недопустимо смешивать самодержавие с абсолютизмом, который восторжествовал только с послепетровской поры»).

¹⁹ Хронограф 1512 года // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 407, 411.

²⁰ И. Е. Копосов, рассматривая западноевропейские модели монархической организации формы правления, отметил, что и в Западной Европе монархические идеалы далеко не всегда носили абсолютистский характер (см.: Копосов В. Е. «Наставление» Агапита и западноевропейская политическая мысль XVI—XVII вв. (Агапит и Эразм) // ВВ. 1982. № 43. С. 90).

при носителе верховной власти²¹ и необходимость подчинения законам всех «с головы до ногу» (И. Тимофеев)²². Для обоснования необходимости и полезности таких «сдержек» они в своих сочинениях применяли различные литературные приемы и аллегорические сравнения. Так, Максим Грек сравнил носителя верховной власти с туловищем орла, а его советников с крыльями, показав, что «силою мною своих крыл» орел «на высоту превелию взимается». Так и царь, хотя он «всех же на земле нарочит», но править должен «скипетры царства своего со своими советниками благохитростными и воеводами»²³. Афонский философ считал, что при великом князе необходимо наличие совета («синклита»²⁴), в состав которого должны входить не только «крепкодушные воеводы», «бояре и князья», но и представители других социальных групп населения, потому что «благоразумною мудрость», возможно услышать и от «худейших людей»²⁵. Максим Грек упрекал современных правителей в том, что они «мало общепольное советование принимают»²⁶.

Более сложной аллегорией воспользовался Зиновий Отенский, который свое представление об организации верховной власти в государстве обосновал с помощью обращения к тринитарному сюжету, исходя из сочетания в Троице «трех единославного господства и равночестного и единомысленного купночестия...

трех достоинство равночестия и вкупомыслия». Исходя из этой посылки, он предложил следующее рассуждение: когда Богу понадобились советы, то он обратился «к сопрестольным Ему» и они, не восхищая на себя божественного сана, «вместе глаголали и вместе повелевали». Если самому Богу понадобились советы (например, при сотворении человека и истреблении Содома и Гоморры), то они необходимы и царю, который, будучи таким же человеком, как и все другие люди, превосходящий их «только саном владычества», обязан со своими синклитами «вкупе глаголати и вкупе повелевати»²⁷.

И. С. Пересветов, прибегнув к аллегории с ассоциативными параллелями, описал в качестве назидательного примера организацию власти, якобы существующую у «турского Магмет-салтана», имеющего при себе верную думу, которая своими мудрыми советами помогала султану не только одерживать многочисленные военные победы, но и «праведно» управлять царством, устроив в нем справедливый и не мздоимный суд. В результате «Магмет-салтан» заслужил милость и покровительство Бога²⁸. На самом деле «обрисованные Пересветовым реформы Мехмеда II далеки от исторической действительности Турции XV в.»²⁹, но в политической литературе XV—XVI вв. к «турскому образцу» обращался не только Пересветов, но и Максим Грек³⁰, и Зиновий Отенский³¹, и Андрей Курб-

²¹ Мыслитель XII—XIII в. Даниил Заточник первым в истории политической мысли назвал такой совет думой, а его членов думцами, предложив подбирать их по уму и знаниям («совокупы смысленных»), независимо от их происхождения и возраста. Он придавал большое значение деятельности думы: «С доброй Думой думая, князь высокого стола добудет, а с лихими думцами думу думая, меньшего лишен будет» (см.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / публ. и пер. Н. Н. Зарубина. Л. : АН СССР, 1932. С. 25—26).

²² Временник Ивана Тимофеева / публ. и пер. О. А. Державиной. М., Л. : АН СССР, 1951. С. 94/263 (текст/пер.).

²³ См.: Сочинения преп. Максима Грека. Казань. 1860—1862. Ч. III. С. 237—238.

²⁴ Синклит (греч.) — собрание высших чиновников (см.: Словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1982. С. 456).

²⁵ Ржиги В. Ф. Послание Василию III по поводу нашествия Крымского хана Ахмата // ТОДРЛ. М., Л., 1934. Т. I. Приложение. С. 116.

²⁶ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II. С. 321—322.

²⁷ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о Новом Учении. Казань : Университетская тип., 1863. С. 134—136.

²⁸ Сочинения И. Пересветова / публ. и пер. А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М. : АН СССР, 1956. С. 147 и др.

²⁹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. / Коллективный труд под ред. И. Б. Грекова. М. : Наука, 1984. С. 243.

³⁰ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II. С. 351.

³¹ Зиновий Отенский. Слово об открытии мощей архиепископа Ионы Новгородского // Калугин Ф. Зиновий инок Отенский и его богословско-попечительские и церковно-учительные произведения. СПб., 1894. Приложение. С. 19.

ский, ибо все они усматривали в военных победах Османской империи жизнеспособность ее социального и политического строя и, ссылаясь на него, приписывали ему такие качества, которых на самом деле не было в султанате Мехмеда II, но которые желали бы видеть в России эти мыслители. Данный литературный прием позволял, с одной стороны, критиковать в завуалированной форме существующего носителя верховной власти, выявляя пороки его властвования, одновременно предупреждая его о возможных трагических их результатах (примером служит военное поражение Византии), а с другой — подробно излагать программу реформ, проведение которых, по мнению этих мыслителей, было бы полезным для России³². Андрей Курбский не сомневался в необходимости образования и деятельности «всемирного совета» при царе³³.

Дипломат и публицист XVI в. Федор Карпов, воссоздавая идеальный вариант формы правления, писал, что цари и начальники должны вместе править «общечеловеческое дело». Обращаясь к аллегории, он сравнивал организацию власти в государстве с гусяром и гусями, которые только совместно способны извлекать

гармоничные звуки³⁴. Ф. И. Карпов считал, что «государства должны строиться на началах «правды и закона», причем под правдой публицист понимал справедливое управление государством, а под законом — нормы человеческого общежития, как Божественные, так и государственные. «Общественно-политические взгляды Карпова во многом близки идеологии Ивана Пересветова»³⁵. И. Я. Фроянов, как представляется, без достаточных оснований причисляет Ф. И. Карпова к еретикам («жидовствующим») и полагает, что его взгляды «расходились с теорией православного царства... и противоречили идее строительства русского национального государства в форме теократического самодержавия»³⁶. Более близок к пониманию взглядов Ф. И. Карпова А. А. Зимин, усматривающий в его политическом идеале черты правового государства³⁷.

Неизвестный автор «Беседы Валаамских чудотворцев Сергия и Германа» (в данном случае «Иного сказания тоя же беседы») не только высказался в пользу ограничения верховной власти и нарисовал модель «единомысленного вселенского совета», но определил условия его формирования и деятельности³⁸. Под терми-

³² Этот литературный прием был хорошо знаком современникам, и они отлично понимали, о какой стране идет речь. Надо сказать, что он использовался во все века, и даже относительно недавно, в сталинские времена, эзопов язык был хорошо знаком советским людям. Прекрасный писатель Юрий Домбровский (в прошлом лагерный зек) написал роман «Обезьяна приходит за своим черепом», и хотя он перенес его действие в далекую западную страну, оказавшуюся под немецкой (фашистской) оккупацией, при которой люди жили под страхом террора и опасаясь не только за свою свободу, но и за жизнь, однако никто не сомневался, что все описанное в романе касается нашей страны. Писателя, не совершившего за свою жизнь никаких преступлений, посадили в третий раз. Вполне, вероятно, что и И. С. Пересветов пострадал в годы опричнины, ибо сведения о нем были обнаружены в ящике, где хранились списки казненных (см.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. М.: АН СССР, 1958. С. 335—338; также: Аль Даниил (Даниил Альшиц). Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный. СПб.: Блиц, 2002).

³³ См.: Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. Стб. 54—55.

³⁴ Федор Карпов. Послание митрополиту Даниилу // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 511—512.

³⁵ Буланин Д. М. Федор Иванович Карпов // СкиКДР. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 460.

³⁶ Фроянов И. Я. Драма русской истории. М.: Парад, 2007. С. 120, 258.

³⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. С. 348.

³⁸ Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М., Л.: АН СССР, 1958. С. 191—192.

Исследователи предполагают, что «Иное сказание» вышло из той же среды, что и «Валаамская беседа», приблизительно в одно и то же время и связано с ней общностью взглядов (см.: Смирнов И. И. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI в. // Изв. М. Т. 15. 1945. С. 257).

³⁹ Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 191.

ном «вселенский» анонимный автор подразумевал именно всесловный совет, поскольку пояснял свою мысль указанием на его формирование «ото всех градов своих, и от уездов градов своих»⁴⁰. Выражение «вселенский» упоминается в предисловии к Пространной редакции Судебника 1589 г. М. Ф. Владимирский-Буданов обоснованно высказал предположение, что применение формулы «вселенский собор» в Судебнике является прямым доказательством принятого в законодательстве и политической литературе неофициального названия Земского собора, происходящего из народно-литературного языка⁴¹. И. Я. Фроянов незаслуженно, на наш взгляд, приписывает анонимному автору «Иного сказания тоя же беседы» «униатские мотивы», являющиеся, по его мнению, «логическим продолжением и развитием выпадов против православной веры и церкви» и даже государства, поскольку аноним «бил по штабам: по русской православной церкви и государству», «отвергая построение святорусского царства»⁴². Авторы «Иного сказания», как и автор «Валаамской беседы», действительно, хотели ограничить верховную власть наличием «вселенского собора», сиречь — Земского собора. И в этом смысле они действительно «ущемляли самодержавную власть царя», если понимать ее как абсолютную, но вряд ли они имели такую задачу, как «отвержение построения святорусского царства»⁴³.

Следует учитывать, что оба эти произведения были написаны в разгар опричных мероприятий и, по всей вероятности, стремились поставить под контроль деятельность верховного правителя с целью ограничения его «всевластия» и вседозволенности, были направлены в защиту подданных, никак не подрывая при этом основ суверенности государства. В то время была нужна совсем недюжинная смелость, что выступать против действий царя «неудобных Богу и людям», поступающего вопреки действующим законам, и далеко немногие люди обнаруживали мужество выступать против «самовластия» «мирогубителя и рабогубителя» — так назвал Ивана Грозного мыслитель второй половины XVI — начала XVII в. Иван Тимофеев. Он упрекал соотечественников в том, что они «словно саваном покрылись бессловесным молчанием и молча смотрели на невинных погибели»⁴⁴.

Иван Тимофеев считал, что законность всех мероприятий верховной власти может обеспечить только «всеобщее единомысленное собрание», ибо только оно способно противостоять носителю верховной власти «повелевающему не по закону» и представить ему достойные возражения («возбранения») против неудобных Богу и людям действий. Тимофеев подчеркнул, что для этих целей необходим именно «вселюдский собор», а не какое-либо «малое содружество», неспособное по своей природе на сопротивление властителю⁴⁵.

⁴⁰ Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 191.

⁴¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 г. Его значение и источники // Вестник права. 1902. № 4 апрель — май. С. 5.

⁴² Фроянов И. Я. «Валаамская беседа» в религиозно-политических спорах середины XVIII в. // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7. С. 82.

⁴³ Фроянов И. Я. «Валаамская беседа» ... С. 93.

⁴⁴ Временник Ивана Тимофеева. С. 23/176.

За бессловесное молчание упрекали соотечественников также Троицкий келарь Авраамий Палицын и многие писатели Смутного времени, однако, как выяснилось, они были не совсем правы. Во-первых, на Земском соборе 1566 г. почти все его члены (провинциальные дворяне) не побоялись написать Ивану Грозному петицию «за руками» (т.е. подписали ее) «О опришние, чтобы того не было»; а во-вторых, как доказал А. А. Булычев, в народных песнях и сказаниях этого царя называли не иначе как «тиран Васильевич». Когда же он сам, убив своего сына, впал в отчаянье и обратился в монастыри с просьбой о поминании «загубленных в годы репрессий подданных», сопроводив свою просьбу богатыми дарами и денежными вкладами, чтобы поминали их как «прощенных преступников», целый ряд крупных монастырских обителей поминали их как «праведных страстотерпцев», «желая высказать не только сочувствие к безвинным страдальцам, погибшим в Опричнину... но и сближая их с сонмом почитаемых усопших или даже блаженных», положив тем самым «начало постепенной церковно-политической реабилитации жертв правительственного террора». Немалая смелость нужна была игуменам монастырей и соборным старцам, чтобы решиться на такой шаг (см.: Булычев А. А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных Ивана Грозного. М.: Знак, 2005. С.17, 19, 21—22 и др.).

⁴⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 161—162/339—340.

Вышеприведенные политические идеалы мыслителей XVI в. наглядно свидетельствуют о том, что все они, в том числе и анонимный автор «Иного сказания», моделируя свое представление об организации верховной власти, говоря словами И. Я. Фроянова, выражали намерения «ущемить самодержавие», на самом же деле — не самодержавие, которое понималось ими как суверенность и независимость Русского государства и поддерживалось, а всевластие «непокорливой» царствующей персоны, «поступающей не по закону», а вопреки ему.

В данном случае обращение к этим примерам из истории русской политической мысли вызвано необходимостью опровергнуть довольно распространенное мнение о политических учениях мыслителей и публицистов позднего средневековья как о доктринах, поддерживающих русское самодержавие, понимаемого как «абсолютизм»⁴⁶.

Философы М. Н. Громов и Н. С. Козлов полагают, что «сейчас [книга вышла в 1990 г.], когда российское самодержавие как целостная система представляет собой исторически исчерпанный феномен, можно в нем объективно разобраться. Диалектический подход требует рассмотрения всего процесса возникновения, становления и краха самодержавия». Однако понимание этими авторами понятия «самодержавие» не свидетельствует об исчерпанности этой темы. М. Н. Громов и Н. С. Козлов воспринимают термин «самодержавие» только в его современном значении — как синоним термина «абсолютизм». «Принципиальный спор двух политических линий, — пишут они, — был разрешен историей: в России упрочилась самодержавная форма правления со всеми вытекающими отсюда последствиями». Хотелось бы знать все-таки — когда?

Авторы прямо об этом не говорят, но из контекста рассуждений явствует, что они относят ее установление к царствованию Ивана Грозного, возражая, однако, против перенесения ее отрицательных результатов, выявившихся значительно позднее «на всю историю его (самодержавия. — Н. З.) существования»⁴⁷. Из приведенного текста усматривается, что авторы даже и не задумываются об историческом и современном значении этого термина и, несмотря на свое же предупреждение, применяют его в значении «абсолютизм» ко всей истории государственного строительства в России. М. Н. Громов и Н. С. Козлов полагают, что вначале (когда — не сказано) самодержавие было прогрессивно и приносило обществу определенную пользу в «культурном, духовном и нравственном отношении», содействуя централизации государства, но постепенно «оно все более сковывало силы народа своей принудительной унификацией, бездушием бюрократического механизма, немедленной расправой со всеми проявлениями независимого и нестандартного мышления», в связи с чем, по-видимому, и наступил его «крах». Но когда он наступил, и в силу каких обстоятельств, и какая форма правления пришла ему на смену, авторы данного труда не уточняют.

Так что все-таки нельзя считать термин «самодержавие» и обозначаемое им понятие «исторически исчерпанным феноменом». Как было показано выше, разногласия между учеными в этом вопросе наличествуют до настоящего времени и приводят к существенным расхождениям в оценках формы правления в России в середине XVI — первой половине XVII в. (сословно-представительная или абсолютная монархия?⁴⁸) и содержания политических и правовых учений мыслителей и публицистов того же периода.

⁴⁶ Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. С. 4, 18 и др.

⁴⁷ Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль. М. : МГУ, 1990. С. 173—175.

⁴⁸ В научной литературе до настоящего времени сохраняется дискуссия на тему: была ли вообще в России сословно-представительная монархия или в XVI или даже XV вв. уже сформировался абсолютизм, т.е. абсолютная монархия? Среди юристов разногласий по этому вопросу не наблюдается, поскольку всеми разделяется точка зрения о наличии в России в период с середины XVI в. и до XVII в. (ближе к концу XVII в.) сословно-представительной монархии (см.: Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1940. Ч. 1. С. 234—235 ; Титов Ю. П. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Сословно-представительные монархии: государственность — право — идеология : сб. науч. трудов. М.: ВЮЗИ, 1987. С. 111—122 ; Rogov В. А. История государства и права России IX — начала XX в. М. : Теис, 1995. С. 41—45 ; Исаев И. А. История государства и права России. Изд. 4-е. М. : Проспект, 2009. С. 122—150 и др.).

Возможно, дискуссия по этим темам была бы более успешной, если бы ее участники договорились о применяемой ими терминологии в процессе обсуждения проблемы. Конечно, кроме выяснения значения терминологии остается и еще ряд вопросов: о формировании сословий, этапах развития сословного строя, соотношения между правами сословий и их обязанностями по отношению к государству в период Средневековья, что было отмечено Ю. Г. Алексеевым при обсуждении вопроса о сословном представительстве в России⁴⁹, но тем не менее недоговоренность по вопросу об историческом значении терминологии понятийного аппарата средневековых мыслителей создает серьезные препятствия для адекватного понимания этапов государственного строительства в России. Однако это другая тема, и в этой статье она затрагивается в связи с анализом исторического и современного значения терминологии.

Следует отметить, что вопрос о соотношении понятий «самодержавие» и «абсолютизм» возник в исторической и историко-юридической науках не в 1960-е гг., а значительно раньше, ибо этой темой заинтересовались законодатели, которые были поставлены перед необходимостью создать формулу, определяющую верховную власть России, в Основных государственных законах в редакции 23 апреля 1906 г.

До 1905 г. в России действовали Основные законы Российской империи 1898 г., первая статья которых гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит *неограниченная* верховная *самодержавная* власть... (курсив мой. — Н. З.)»⁵⁰, но в связи с принятием Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» эта статья более не соответствовала новым политическим реалиям.

Статьей первой Манифеста устанавливались радикальные изменения в политическом режиме страны, поскольку всему российскому населению даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»⁵¹.

Статьей второй обеспечивалось «привлечение к участию в выборах в Государственную думу... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права, вновь установленному законодательному порядку». Законодательный порядок вводился *третьей статьей*, провозглашавшей «незыблемое правило», согласно которому «никакой закон не мог быть воспринят без одобрения Госдумы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью поставленных от нас властей»⁵².

В исторической науке существуют разногласия по этому вопросу: Н. Е. Носов (см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. : Наука, 1969. С. 9 ; *Он же.* Становление сословного представительства в первой половине XVI в. // Изв. 1993. Т. 114. С. 148—179) и Л. В. Черпнин (см.: *Черпнин Л. В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М. : Наука, 1978. С. 77, 91, 92, 99) являются сторонниками сословно-представительной монархии; напротив, целый ряд отечественных и зарубежных ученых отрицают наличие сословно-представительной монархии в России. Эта точка зрения довольно четко сформулирована В. М. Панеяхом, утверждавшим, что «следует отвергнуть точку зрения о сословном политическом строе, определяемом как сословно-представительная монархия. Наиболее адекватно... было бы определение политического строя России первой половины XVI в. как самодержавной монархии деспотического типа (курсив автора.)» (цит. по: *Алексеева Ю. Г.* К вопросу о сословиях в России XV—XVII вв. // Государство и общество в России XV—начало XX вв. : сб. статей. СПб. : Наука, 2007. С. 66 ; см.: *Шапиро А. Л.* Об абсолютизме в России // Абсолютизм в России : сб. статей. М. : Наука, 1964. С. 86 ; *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // ВИ. 1968. № 5. С. 55—62).

⁴⁹ Алексеев Ю. Г. К вопросу о сословиях в России XV—XVI вв. Некоторые черты сословной политики Ивана III. СПб. : Наука, 2007. С. 65—81.

⁵⁰ Формула верховной власти, по существу, не претерпела изменений еще со времен Петра I, поскольку в ст. 18 и 20 Артикула воинского и Толковании к ст. 20 (1715 г.) император позиционировался как «монарх самовластный», «который никому на свете о своих делах ответу дать не должен...» (см.: ПСЗ. Т. V. № 36006. Гл. III. Арт. 18, 20 Толк.).

⁵¹ Ранее в Своде уставов о предупреждении и пресечении преступлений 1902 г. запрещались всякие собрания, митинги, а также создания товариществ и братств без согласия правительства.

⁵² ПСЗ. Собрание третье. Т. XXV. Отделение первое, № 26803.

Следовательно, статья 1 Манифеста ввела новый демократический политический режим, а статьи 2 и 3 принципиально изменили форму правления: Россия становилась конституционной монархией, в которой власть императора ограничивалась Государственной думой.

Манифест имел скорее декларативный характер, ибо он не расшифровывал ни содержания избирательного закона, ни состава и порядка работы Государственной думы, но основные конституционные положения в нем были провозглашены. На его основе через два месяца был издан подробный избирательный закон⁵³. Встал вопрос о необходимости внесения изменений в формулу, определяющую верховную власть в Основных государственных законах, принимаемых уже в 1906 г.

В подготовке новой редакции Основных государственных законов принимали участие видные профессора права, в том числе В. И. Сергеевич и С. А. Князьков.

Консультация по вопросу о форме правления в России была дана профессором права С. А. Князьковым. Он написал для законодателей рукопись «Самодержавие в его исконном смысле»⁵⁴, в которой разъяснял *историческое и современное* значения термина «самодержавие». «Термин “самодержец”, — писал он, — употреблялся на Руси начиная с XII в. для обозначения независимого верховного властителя», не соединяя «с идеей самодержавия внутренних политических отношений, считая самодержцем только властителя, независимо от внешней силы»⁵⁵. Самодержец воспринимался как государь, «не зависимый ни от какого другого владетеля, не платящего дани, государь суверенный... Словом “самодержец” древнерусский человек определял *внешнее международное положение государства* (курсив С. А. Князькова), а не внутреннее значение государя, противопоставляя самодержца госуда-

рю зависимому от другого государя — вассалу, государю ограниченному в своих внутренних политических правах... Великий князь Иван III стал употреблять титул самодержца после того, как освободил себя от обязанности платить дань татарскому хану... Принимая титул царя и самодержца, Московские государи и весь народ хотели обозначить им внешнюю независимость своего государства»⁵⁶.

В Древней и Средневековой Руси великие князья не обладали абсолютной властью, так как они делили власть с дружиной, в состав которой, кроме княжеских дружинников, входили именитые горожане — старцы градские и епископы; общегородским собранием — вечаем; определенную роль играли и княжеские съезды. Однако, несмотря на наличие при великом князе совета и веча, активно участвовавшего в обсуждении государственных дел, применительно к Владимиру I употреблялся термин «самодержец» именно в значении характеристики самостоятельности его властных полномочий, распространяемых на всю подвластную ему территорию. Правление Рюрика также называлось «самодержавное царское скипетроправление».

В позднее Средневековье Московские государи делили свою власть с Боярской думой, сложившейся на основе советов, существовавших при удельных князьях, из которых Боярская дума «вынесла... две задачи, важные для дальнейшей судьбы... она должна была строить объединившуюся землю вместе с государем...». Уже со второй половины XV в. московская Боярская дума стремится стать «оплотом политических притязаний», сущность которых состояла в требовании совместного с государем руководства центральным и областным управлением. Члены думы рассматривали себя как властных представителей Русской земли при великом князе⁵⁷. К началу XVI в. в Боярской думе насчи-

⁵³ Об изменении положения о выборах в Государственную думу и издании дополнительных к нему узаконений от 11 декабря 1905 г. // ПСЗ. Собрание третье. Т. XXIV. Отделение первое, № 27029.

⁵⁴ Работа была издана впоследствии на правах рукописи: Князьков С. А. Самодержавие в его исконном смысле. На правах рукописи. СПб., 1906.

⁵⁵ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории. М. : Мысль, 1988. Т. II. С. 157. См. также: Боярская дума в Древней Руси. М., 1902. С. 258—259.

⁵⁶ Князьков С. А. Указ. соч. С. 5, 7.

Иван III титуловал себя «Божьей милостью царь всяя Руси» или «государь великий всяя Руси»; а в сношениях с Крымом и Турцией — «Божьей милостью един правый государь всяя Руси»; в сношениях с Литвой с 1493 г. — «Божьей милостью государь всяя Руси» (см.: РИО. Т. XXXV. С. 97—99).

⁵⁷ Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. М. : Мысль, 2003. С. 138. 176, 195.

тывалось приблизительно 70 членов в звании князей и бояр; постепенно ее состав увеличился за счет вхождения в нее и молодых людей дворянского происхождения. При Иване III этот порядок считается установившимся и признанным Московским государем, которого для выражения особого почтения начинают «иногда величать “самодержцем”», характеризуя этим термином «не внутренние политические отношения, а внешнее положение Московского государя»⁵⁸.

В конце XV — начале XVI в. стали практиковаться совместные заседания Боярской думы и Освященного собора, на базе которых к середине XVI в. сформировалось расширенное собрание — Земский собор, состоящий из выборных людей «ото всех чинов» «со всей Русской земли». Летописцы приводят примеры, когда Московские великие князья принимали важные для государства решения, советуясь с Боярской думой, епископами, князьями, боярами и «со всей землей», как было принято называть Земские соборы⁵⁹.

С. А. Князьков заметил, что Иван IV «первым напал на мысль» о том, что «слово это (самодержец. — Н. З.) может обозначать не одну только внешнюю независимость государя и страны, а и его внутреннюю неограниченность, но ему не удалось изменить существующие в стране порядки»⁶⁰. За время своего царствования он все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики решал совместно с Боярской думой и Земским собором⁶¹. Более того, именно в его царствование в середине XVI в. были приняты Губная и Земская реформы, со-

гласно которым местное самоуправление возглавлялось выборными лицами, обязанными отчитываться не только перед центральной властью, но и своим населением, т.е. сословно-представительная монархия как форма правления получила свою организацию сверху донизу.

И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» определяет значение термина «самодержавие» как «самодержавство — самодержцтво — государство». Срезневский приводит примеры употребления в таком значении этого термина в документах XII—XVI вв. и добавляет, что «противословьем» термину «самодержец» является термин «самовластец», обозначающий «непокорливого человека»⁶². Таким образом, термины «самовластье» и «самодержавие» никогда не были синонимами, и если самодержавие принималось и одобрялось общественным мнением, то самовластье с давних пор осуждалось⁶³.

Следует отметить, что на неадекватность употребления термина «самодержавие» в значении «абсолютизм» для характеристики формы правления русского средневекового государства обратили внимание еще юристы-историки конца XIX — начала XX в. Так, Вальденберг В. Е. полагал недопустимым для определения формы правления употреблять в качестве синонимов термины «самодержавие» и «абсолютизм», поскольку они формировались в различные исторические эпохи развития российской государственности и выражали неоднозначные понятия⁶⁴. В. О. Ключевский отметил, что никогда «Древняя Русь... не соединяла с идеей

⁵⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 199.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 161. Л. В. Черепнин отметил, что под выражением «вся земля», часто употребляемым в летописях и публицистике, обычно понимался Земский собор (см.: Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 63—64).

⁶⁰ Князьков С. А. Указ. соч. С. 5, 7, 9.

⁶¹ Иван IV неоднократно созывал Соборы, так, например: в 1551 был созван государственно-церковный Стоглавый собор для утверждения Судебника 1550 и решения ряда вопросов, касающихся церковного устройства и взаимоотношений Церкви и государства; в 1556 — Земский собор для обсуждения возможности изыскания средств, для продолжения войны с Польшей; в 1564/65 — Земский собор для утверждения решения о введении опричнины. Формальное согласие на все эти мероприятия царь от Земского собора получал.

⁶² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 113.

⁶³ Летописец осудил попытку Андрея Боголюбского сделаться самовластцем: «Хотя един бысть властель во всей Ростовской и Суздальской земли, сице же и прежних мужей отца своего изгна овех всех, овех же в темницах затвори; и бысть брань люта в Ростовской и Суздальской земли» (см.: ПСРЛ. Т. IX. С. 221).

⁶⁴ См.: Вальденберг В. Э. Древнерусские учения о пределах царской власти. М.: Территория будущего, 2006. С. 14.

самодержавия внутренних политических отношений, считая самодержцем только властителя, независимого от внешней силы»⁶⁵.

Абсолютная монархия («абсолютизм») как форма правления начала складываться во второй половине XVII в., а свое юридическое оформление получила в первой четверти XVIII в.⁶⁶ Юридический статус абсолютная монархия как форма правления получила при Петре I в 20-е гг. XVIII в. В Артикуле воинском утверждалось, что «его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благонамерению управлять»⁶⁷.

Таким образом, термин «самодержавие» официально изменил свою семантику только в первой четверти XVIII в., и с этого времени он стал употребляться не для обозначения независимости монарха и суверенности возглавляемого им государства, как это было ранее (XII — первая половина XVII в.), а для выражения представлений о неограниченности верховной власти над всеми своими подданными, обозначая в этом варианте неограниченную монархию, т.е. абсолютизм. С этого времени термины «самодержавие» и «абсолютизм» действительно становятся синонимами.

Словарь В. Даля (XIX в.) очень четко зафиксировал изменения, происшедшие в этимологии термина «самодержавие»: «самодержавие... управление самодержавное, монархическое, полновластное, неограниченное, независимое от государственных учреждений, соборов, или выборных от земства чинов»⁶⁸.

Законодатели, работавшие над текстом Основных государственных законов 1906 г., учли консультацию, данную С. А. Князьковым, и изменили формулу, определяющую статус вер-

ховной власти. В результате из ст. 4 исчезло прилагательное «неограниченная», но было оставлено прилагательное «самодержавная» как исстари присущая характеристика суверенности верховной власти. Статья 7 ограничивала законодательную власть монарха предписанием ее осуществления совместно с Государственным советом и Государственной думой, т.е. сформированным Основными государственными законами двухпалатным законодательным органом⁶⁹. Этими статьями в России утверждалась ограниченная монархия.

Термин «самодержавная» вернулся к своему историческому значению — характеристике суверенности власти, перестав обозначать ее неограниченность, т.е. абсолютный характер. С фактом исторического значения этого термина посчитались законодатели, предполагается, что и современным исследователям все эти обстоятельства следует принимать во внимание. К сожалению, этого не наблюдается. Напротив, довольно часто встречается подмена исторического содержания терминологии современным, поэтому проблема определения семантики термина «самодержавие» с учетом произошедшей с ним эволюции остается актуальной и в настоящее время.

Советская и отчасти современная гуманитарная наука в основном воспринимает термин «самодержавие» только в современном значении — как абсолютизм, без соотнесения со временем возникновения, выяснения первоначального значения и последующей эволюции. А. Б. Гальперин заметил, что сегодня в гуманитарных науках (исторической, филологической и философской) понятия «самодержавное государство» и «централизованное государство» употребляются для выражения представления об «абсолютистском государстве»⁷⁰. Такое со-

⁶⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. II. С. 157.

⁶⁶ Историк государства и права О. И. Чистяков отметил, что «говорить о самодержавии в полном смысле слова (в современном его понимании, т.е. неограниченной монархии. — Н. З.) в XV и даже XVI вв. еще не приходится. Власть монарха была ограничена другими органами государства, прежде всего Боярской думой» (см.: История государства и права. 1985. Гл. VII. § 1. С. 88. (автор — О. И. Чистяков)).

⁶⁷ См.: Артикул воинский // Российское законодательство XI—XX вв. (Законодательство периода становления абсолютизма). М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 328—365.

⁶⁸ Даль В. И. Толковый словарь. М., 1955. Т. IV. С. 133. (Перепечатано со второго издания 1880—1882 гг.).

⁶⁹ Основными государственными законами в редакции 23 апреля 1906 г. был сформирован законодательный орган парламентарного типа, состоящий из двух палат: Государственной думы и Государственного совета.

⁷⁰ См.: Гальперин Г. Б. Сословно-представительная монархия и опричнина в России // Вестник ЛГУ. 1967. Вып. 4. № 23. С. 83; Он же. Форма правления единого российского государства в русской политической мысли. XV—XVI вв. // Вестник ЛГУ. 1971. Вып. 2. № 11. С. 105—115.

вмещение этих понятий не учитывает процесса их образования и отношений между ними на всем протяжении XII—XVII вв., а также смысловых различий в названных категориях.

Современные исследователи применяют понятие «самодержавие» в сочетании с понятием «централизация», воспринимая их взаимосвязь и взаимодействие в противопоставлении феодальной раздробленности. Таким образом, самодержавие в значении абсолютизма представляется безальтернативной формой правления, единственно способной осуществить централизацию государства. В действительности централизация непосредственно с формой правления не связана; этим термином обозначается процесс консолидации земель в единое государство под суверенной властью властителя, в нашем случае — великого князя Московского. А. А. Зимин отмечает, что формула «централизованное государство» вообще не содержит юридических характеристик и не может описать организацию власти в государстве (форму правления); к тому же она выглядит неопределенной с хронологической точки зрения, поскольку включает в свои границы длительный исторический процесс⁷¹. Зимин предложил заменить словосочетание «централизованное государство» на «единое государство», полагая, что такой вариант в большей степени способен охарактеризовать процесс объединения земель под эгидой Москвы⁷². К сожалению, данное предложение дальнейшей разработки в научной литературе не получило.

В советский период сложилась даже некая схема оценок политико-правовых доктрин:

мыслители, выступавшие с теориями, возвышавшими власть московских государей, рассматривались как сторонники самодержавия и централизации государства. К ним обычно относили Иосифа Волоцкого, Псковского старца Филофея, митрополита Даниила, представлявших «стяжательское» («иосифлянское») направление внутрицерковной мысли. И. П. Еремин даже считал, что между идеологией самодержавия (в значении абсолютизм) и идеологией иосифлянства можно поставить знак равенства⁷³. И. У. Будовниц оценивал «политическую линию Иосифа как прогрессивную, потому что она была направлена на укрепление самодержавия» и поддержку централизации⁷⁴. В юридической науке эта схема была принята безоговорочно. Иосифа Волоцкого и его сторонников и последователей — иосифлян характеризовали как сторонников самодержавия и сильного централизованного государства⁷⁵. Напротив, мыслителей и публицистов, предлагавших какие-либо сдержки в реализации верховной власти, считали ее противниками; к ним обычно относили представителей нестяжательского направления мысли: Нила Сорского, Максима Грека, Вассиана Патрикеева, А. М. Курбского, неизвестных авторов «Валаамской беседы» и «Иного сказания тоя же беседы» и др., характеризуя их как представителей реакционного боярства и защитников порядков феодальной раздробленности⁷⁶. Б. А. Рыбаков, анализируя доктрину Нила Сорского, писал: «Стоит только слегка распахнуть монашеское одеяние любого из нестяжателей, как мы увидим под ним парчу боярского кафтана»⁷⁷. Напротив, Иосифа Волоц-

⁷¹ См.: Зимин А. А. К дискуссии об абсолютизме // История СССР. 1972. № 4. С. 70.

⁷² См.: Зимин А. А. К дискуссии об абсолютизме. С. 70.

⁷³ История русской литературы / под ред. Д. С. Лихачева. М.: АН СССР, 1948. Т. II. Ч. I. С. 305.

⁷⁴ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М., Л.: АН СССР, 1947. С. 100.

⁷⁵ Покровский В. С. История русской политической мысли: конспект лекций. М.: Госюриздат, 1951. С. 64; Зуев В. И. Приоритет русской правовой мысли в создании и развитии теории суверенитета // Советское государство и право. 1951. № 3. С. 25; Сальников Ю. Ф. Основные направления русской политической мысли // Уч. записки ВЮЗИ. М.: 1957. Вып. II; История политических учений. М.: Высшая школа, 1971. Гл. VI (автор главы — С. А. Покровский).

⁷⁶ Покровский В. С. История русской политической мысли. Вып. 1. М.: Госюриздат, 1951; Полосин И. И. Социально-политическая история России XV — начала XVII в. М.: Мысль, 1963; Покровский С. А. Из истории политической мысли России XVI в. М.: Труды ВЮЗИ, 1981. С. 3—61.

Такой же схемы придерживались и учебные курсы по истории политических и правовых учений. См., например: История политических учений / под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. М.: Госюриздат, 1960 (автор главы VII — В. С. Покровский); История политических учений / под ред. проф. К. А. Мокичева. М.: Высшая школа, 1965 (автор главы VII — Ю. В. Сальников); История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М.: Госюриздат, 1997 (автор главы 7 — В. Н. Струнников).

⁷⁷ Рыбаков Б. А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934. № 3. С. 24.

кого и его последователей Б. А. Рыбаков считал «выразителем борьбы с феодальной знатью» и сторонниками централизации государства⁷⁸. Между тем никаких доказательств в приверженности и тем более поддержке «боярской идеологии» Нилом Сорским до настоящего времени не обнаружено, равно как и борьбы Иосифа Волоцкого «с феодальной знатью». Н. А. Казакова отметила, что и Максим Грек так же неосновательно причислен к идеологам реакционной феодальной оппозиции, таковым он никогда не был⁷⁹. Андрею Курбскому приписывали «защиту старобоярских порядков» и обоснование «феодального права отъезда», а также «идею раздробления на ряд независимых вотчин централизованного государства»⁸⁰. В советской историографии он трактовался как «защитник интересов феодальной аристократии в противовес централизующейся самодержавной власти»⁸¹, что тоже не соответствует содержанию его политических взглядов.

К сожалению, эта схема находит своих приверженцев и среди современных исследователей⁸². С. Дьюла прямо связывает успехи централизации с самодержавием, называя «русское государство XVI в. абсолютной монархией...»⁸³. И. А. Толчиев рассматривает московское боярство как «скрытого противника и антагониста централизаторской деятельности царя, отстаивавшего свои привилегии»⁸⁴.

Из этой схемы вытекала еще одна, близкая к ней концепция: теория о борьбе реакционного боярства против прогрессивного дворянства, которая, как представляется, родилась в кабинетах ученых XIX в. и успешно тиражирова-

лась в советский период. Сомнения в верности этой концепции возникли еще в середине XX в. В 1957 г. юристы А. Л. Саккетти и Ю. В. Сальников высказались против подобного противостояния в отношении позиции исследуемых ими мыслителей и содержания их доктрин: «Следует отметить, — писали они, — что имеет место переоценка антибоярского характера проектов феодальных идеологов Пересветова и Ермолая-Еразма... В своем проекте Пересветов требовал “грозы” не по отношению ко всем вельможам, а только против тех, которые занимают свои места “не по роду, ни по чину, ни по воинству, ни по мудрости”. Наконец, он допускал возможность участия в верховной власти некоего “мудрого вельможи”, которому отдавал предпочтение перед “воинниками”»⁸⁵. Это было первое и осторожное высказывание против концепции, занимающей господствующее положение в советской научной литературе. Серьезной ревизии теория о борьбе «прогрессивного дворянства» против «реакционного боярства», якобы выступавшего против централизации государства, подверглась 1970–1980-е гг. Многие историки выступили с ее опровержением. Одним из первых был Н. Е. Носов, заметивший, что в XVI в. «между боярством и дворянством не было разногласий в политике централизации. Боярство не стремилось к возвращению порядков феодальной раздробленности», поэтому политика опричнины «никакой антикняжеской и антибоярской не была». К тому же, «мелкопоместное дворянство даже в годы опричнины не имело сколько-нибудь значительного веса в политической жизни страны»⁸⁶. В. Б. Кобрин,

⁷⁸ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 24.

⁷⁹ Казакова Н. А. Очерки русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л. : Наука, 1970. С. 222.

⁸⁰ Платонов С. Ф. К истории опричнины XVI в. // ЖМНП. 1897. № 10. С. 261; Он же. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 94—97.

⁸¹ Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. СПбГУ, 2007. С. 208.

⁸² История политических учений / под ред. О. В. Мартышина. М. : Норма, 2002. С. 133.

⁸³ Дьюла С. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI в. (Реформы и опричина Ивана IV) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 4.

⁸⁴ Толчиев И. А. Отражение взглядов Ивана Грозного на власть в социально-политической практике Московского государства 40—80-х гг. XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010.

⁸⁵ Скетти А. Л., Сальников Ю. В. О взглядах И. Пересветова // ВИ. 1957. № 1. С. 123.

⁸⁶ См. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений. Становление сословно-представительных учреждений в России : Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: АН СССР, 1969. С. 10—11; Он же. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // ИЗ. 1993. Т. 14. С. 148—179 ; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992 ; Он же. Предисловие // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. (Очерки истории). СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 3—9.

соглашаясь с мнением Н. Е. Носова, отметил, что «концепция противоборства бояр и дворян в последнее время теряет приверженцев в отечественной историографии», многим ученым становится понятно, что «антибоярская политика правительства (Ивана IV) оказывается скорее историографической легендой, закрепленной в сознании исследователей многократным повторением, чем исторической действительностью»⁸⁷. М. М. Кром отметил, что даже в годы «боярского правления» речь не могла идти о возвращении ко времени феодальной раздробленности; соперничавшие между собой группировки стремились не к разрушению центрального аппарата, а к овладению им в своих корыстных интересах»⁸⁸. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) уверяет, что XIV—XV вв. были веками «самоотверженного служения московского боярства общенациональным интересам и целям»⁸⁹.

Однако следует заметить, что в учебных курсах и некоторых монографических исследованиях историков и историков права и учений о праве и государстве эта концепция все еще имеет место⁹⁰.

Современные исследователи полагают, что разногласия между иосифлянами и нестяжателями в большей степени касались владельческих прав монастырских организаций на владение населенными землями с эксплуатацией проживающих на них крестьян и способов преследования и наказания еретиков. По отношению ко всем другим политическим и

правовым вопросам: отношению к верховной власти и проводимой ею политикой централизации, взаимоотношению государства и церкви («симфония властей»), форме реализации правителем и его чиновниками властных полномочий, осуществлению правосудия и ряду других — между ними существенных разногласий не было; а главное, никто из мыслителей обеих партий не высказывался против политики централизации, проводимой великими Московскими князьями (а затем и царями), и не отстаивал феодальное право отъезда, устаревшее к XVI в. и никем не применяемое. Я. С. Лурье пишет, что «мы не находим никаких ни прямых, ни косвенных свидетельств обоюдной вражды между направлениями Иосифа Волоцкого и Нила Сорского»⁹¹. При этом он не отрицает противоречий между ними и их последователями в вопросах средств усовершенствования монашеского служения, что, собственно, и касалось в большей степени отношения к владельческим правам церковно-монастырских организаций. В этой теме не все еще ясно, но главным в данном случае является вывод, к которому пришло большинство современных исследователей (Я. С. Лурье, Н. А. Казакова, А. И. Клибанов, Г. Н. Моисеева и др.): все мыслители, особенно принадлежащие к внутрицерковным кругам, не были противниками централизации государства и не защищали «идеал феодальной раздробленности». Такой линии борьбы в русской публицистике XV—XVI вв. вообще не существовало.

⁸⁷ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М. : Мысль, 1985. С. 10.

⁸⁸ Кром М. М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30—40-х годов XVI в. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 15.

⁸⁹ Митрополит Иоанн (Снычев). Царь Иоанн Грозный и опричнина // URL: <http://samoderjavie.ru/node/235>.

⁹⁰ Так, например, историк Н. С. Борисов словосочетание «российское самодержавие» употребляет просто по традиции, не давая ему никаких объяснений. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский традиционно рассматриваются как «антиподы» (см.: Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М. : МГУ, 1988. С. 131, 132). В «Истории правовых учений России» под ред. В. В. Сорокина, А. А. Васильева (авторы глав не указаны) Иосиф Волоцкий назван идеологом русского самодержавия, без уточнения, в каком значении употреблен этот термин (см.: История правовых учений России. X—XVII вв. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 134, 136, 146). Авторы этого курса признают наличие в России сословно-представительной монархии, датируя ее периодом «с середины XVI — до конца XVII в.», но вместе с тем называют эту форму правления, сложившуюся при Иване IV, «православным самодержавием» (с. 152), не разъясняя своей позиции; опричнине они приписывают «подрыв политического и экономического влияния боярства» (с. 146). Боярскую думу характеризуют как совещательный орган при царе, при этом ее статус, установленный ст. 98 Судебника 1550 г., не анализируется — не принимается и не отрицается. Иначе как приверженностью традиционным схемам такую позицию охарактеризовать невозможно.

⁹¹ Лурье Я. С. Избранные письма и статьи. Нерешенные вопросы в истории идеологических движений конца XV в. — первой половины XVI в. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. С. 167—189.

До настоящего времени некоторым современным авторам «самодержавие» в значении «абсолютизм» представляется безальтернативной формой правления, единственно способной осуществить централизацию государства. В действительности же централизация непосредственно с формой правления не связана; это понятие обозначает процесс консолидации земель в единое государство под суверенной властью главы государства, в нашем случае великого князя Московского, и должно обозначать форму государственного устройства, а не форму правления.

Участники исторической дискуссии, рассматривая вопрос о соотношении абсолютизма и самодержавия, в большинстве своем опирались на высказывание В. И. Ленина, характеризовавшего форму правления средневековой России как «самодержавие... с Боярской думой и боярской аристократией»⁹². Н. М. Дружинин, комментируя это суждение, пишет: «В. И. Ленину было хорошо известно, что Боярская дума и боярская аристократия характеризовали собой... самодержавие XVI в.»⁹³. Это высказывание В. И. Ленина стало хрестоматийным и на долгие времена определило отношение не только к термину «самодержавие», но и к характеристике формы правления России XVI в. Видимо, в согласии с этим ленинским положением А. Л. Шапиро и А. Н. Чистозвонов отнесли возникновение абсолютизма в России к XVI в., называя его при этом самодержавием⁹⁴.

Д. Н. Альшиц справедливо заметил, что при сохраняющейся неопределенности в терминологии достичь между исследователями согласия весьма затруднительно, потому что ученые по-разному определяют «время возникновения самодержавного строя: одни относят установление самодержавной монархии к концу XV, другие ко второй половине XVII, некоторые усматривают ее начало в XVI в.»⁹⁵. Сам Д. Н. Альшиц, как это следует из вышеприведенной цитаты, тоже употребляет термины «самодержавие» и «абсолютизм» в качестве синонимов. Время возникновения «самодержавия», которое он понимает как неограниченную центральную власть монарха, он относит к XVI в., полагая, что оно «более других государственных форм соответствовало реальным социально-политическим условиям развития страны»⁹⁶. В более поздней работе Д. Н. Альшиц подтвердил свое мнение: в XVI в. при Иване Грозном «установление самодержавия завершилось» и «в стране был установлен новый режим — царский»⁹⁷. Я. С. Лурье считает, что формой правления в Московском государстве XVI в. стала «самодержавная деспотия»⁹⁸; Б. Н. Флоря, сближая Россию с государствами Западной Европы, доказывает, что в ней, как и в странах Европы, в XVI в. возникает абсолютизм, характеризующийся установлением «абсолютной единоличной власти правителя»⁹⁹.

Р. Г. Скрынников характеризует форму правления, сложившуюся в Московском го-

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346.

⁹³ Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России : К итогам дискуссии // ВИ. 1961. № 1. С. 68—69.

⁹⁴ Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России // Абсолютизм в России. М. : Наука, 1964. С. 86 ; Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // ВИ. 1968. № 5. С. 55—62.

⁹⁵ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л. : Наука, 1988. С. 3.

⁹⁶ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. С. 106.

⁹⁷ Аль Д. (псевдоним Д. Н. Альшица). Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный. СПб. Блиц, 2002. С. 163. Видимо, надо понимать мысль автора таким образом: форма правления — самодержавие, а политический режим — царский.

⁹⁸ Лурье Я. С. Переписка Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси /Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Л. : Наука 1993. С. 247.

⁹⁹ Флоря Б. Иван Грозный. М. : Молодая гвардия, 1999. С.106, 109.

Б. Флоря, утверждая этот тезис, пишет, что даже в кратких курсах европейской истории можно прочитать, что абсолютные монархии возникли в Европе именно в XVI в. С такой оценкой трудно согласиться, поскольку как раз именно в курсах по истории зарубежного государства и права утверждается, что во Франции в это время существовали генеральные штаты, в Испании — кортесы, в Англии — парламент, свидетельствующие не об абсолютных, а именно о сословно-представительных монархиях (см., например: Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М. : Юрист, 1995. С. 141—143 ; Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М., 2000. С. 293, 301—303).

сударстве в конце XV—XVI в., как русское «самодержавие», бывшее «на деле ограниченной монархией с Боярской думой и боярской аристократией»¹⁰⁰. Это определение — практически парафраз ленинского суждения («самодержавие... с Боярской думой и боярской аристократией»).

Историки С. А. Орлов и В. А. Георгиев называют организацию верховной власти в России XVI в. «неограниченным самодержавием»¹⁰¹. Филолог О. В. Творогов результаты царствования Ивана IV оценивает как «значительное укрепление самодержавия и уничтожение самой возможности феодальной оппозиции»¹⁰².

Концепцию борьбы прогрессивного дворянства с боярством, действовавшим в ущерб централизации государства, поддерживает и В. В. Кусков, полагающий, что укрепление централизации Русского государства протекает в обстановке напряженной и острой политической борьбы между родовитым боярством и служилым дворянством, которое становится «основной классовой опорой единодержавной власти Московского царя».

О содержании политических доктрин позднего Средневековья В. В. Кусков пишет более осторожно, полагая, что они поддерживают единодержавие (термин «самодержавие» В. В. Кусков не употребляет), но выступают против самоволия, предлагая различные варианты «пределов» в реализации верховной власти¹⁰³.

К сожалению, некоторые авторы в работах последних десятилетий XXI в. также не выясняют историческое и современное значения термина «самодержавие». Например, Дворниченко А. Ю. характеризует орга-

низацию верховной власти в России в XVI в. как «земско-самодержавную государственность»¹⁰⁴. В. В. Шапошник прямо указывает, что церковные писатели (а их большинство. — Н. З.) «участвовали в разработке идеологии самодержавия. Именно они обосновали тезис о божественном происхождении царской власти»¹⁰⁵. Действительно, такой тезис они обосновывали, но если воспринимать термин «самодержавие» в его историческом значении, то причин его обосновывать не было, ибо самодержавным в этом значении стали называть Ивана III, освободившего страну от татаро-монгольского ига, и титулование его самодержцем ни у кого сомнений не вызывало.

Непосредственно факт происхождения власти к ее организации прямого отношения не имеет, ибо божественной считалась любая власть в человеческом обществе соответственно Новозаветной формуле: «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»¹⁰⁶. И. Я. Фроянов безоговорочно называет форму правления в России в XVI в. «русским самодержавием» или «теократическим самодержавием», употребляя термин «самодержавие» в значении «абсолютизм», а не в качестве характеристики суверенности Русского государства¹⁰⁷. Борьбу против «самодержавия» Фроянов усматривает даже в деятельности членов правительства Ивана IV — Сильвестра и Адашева. «С одной стороны, они выступали инициаторами реформ, в которых нуждалась страна, с другой — вели скрытый подкуп под фундаментальные основы Святой Руси, а именно под *самодержавие* (курсив мой. — Н. З.), православную веру и церковь. То

¹⁰⁰ Скрынников Р. Г. Лихолетье. Москва в XVI—XVII веках. М.: Московский рабочий, 1988. С. 28.

¹⁰¹ Орлов С. А., Георгиев В. А. Основы курса истории России. М.: Проспект, 1997. С. 106.

¹⁰² Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. СПб.: Наука, 2001.

¹⁰³ Кусков В. В. История древней русской литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 194, 203.

¹⁰⁴ См.: Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История древней и средневековой Руси. СПб.: Гатчина, 2005. С. 196.

Какой теоретический смысл заключается в прибавлении приставки «земско» к понятию «самодержавие» и в каком значении оно употреблено, остается невыясненным.

¹⁰⁵ Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—40-е годы XVI в. СПбГУ, 2006. С. 12. А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич отмечали «огромную роль митрополита Макария в оформлении идеологии самодержавия» (см.: Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. С. 45). Здесь также, очевидно, «идеология самодержавия» рассматривается как идеология абсолютной власти.

¹⁰⁶ Рим. 13:1.

¹⁰⁷ См.: Фроянов И. Я. Комментарии к ст. 98 Судебника 1550 года // Исследования по истории средневековой Руси. М., СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 145—155; Он же. Драма русской истории. С. 258.

была веками выработанная изощренная тактика тайных организаций, применяемая ими по сей день»¹⁰⁸.

В. В. Калугин также пользуется терминами «самодержец» и «самодержавие» для характеристики всевластия царствующей персоны, в частности Ивана IV¹⁰⁹.

В Сборнике статей, посвященном памяти академика Н. Е. Носова, авторы ряда работ также употребляют термин «самодержавие» для характеристики формы правления в XVI в., называя Россию «самодержавно-боярской Русью», «самодержавной монархией деспотического типа»¹¹⁰. Между тем сам академик Н. Е. Носов был более точен в суждениях по этому вопросу и определял опричнину не как форму правления, а как политический режим — «военно-феодальную диктатуру», существовавшую при сословно-представительной монархии¹¹¹.

Юрист Ю. Л. Проценко признает наличие в России сословно-представительной монархии (середина XVI — середина XVII в.), но тем не менее говорит о «тенденциях ограничения самодержавия» в интересах «княжеско-боярской знати», не объясняя своей теоретической позиции в этом вопросе, не называя периода, в который возникли подобные тенденции¹¹². А. А. Булычев в своем интересном исследовании, посвященном изучению посмертной судьбы опальных Ивана Грозного, также употребляет термины «самодержавие» и «самодержец» применительно к эпохе Ивана Грозного, не делая при этом никаких разъяснений их смысловой нагрузки¹¹³.

Некоторые современные авторы в качестве методологической посылки своих работ заявляют о необходимости придерживаться исторического значения терминологии при исследовании средневековых государственно-правовых категорий, однако непосредственно в ходе его проведения от нее отступают. Так, Ю. В. Кривошеев в работе «Русская средневековая государственность» утверждает (в первой половине исследования), что под термином «самодержавие» русские средневековые люди понимали «внешнее самодержавие Великорусского государства», поскольку для самодержавия в качестве абсолютной организации власти время еще не наступило. Но далее Ю. В. Кривошеев пишет, что «самодержавие опирается в своем возвышении на традиции земского управления» (в каком значении употреблен здесь этот термин и к какому времени отнесен — автор не разъясняет, но он явно применен не для характеристики внешних отношений. — Н. З.). Вводя новую формулу — «земско-самодержавное государство» для обозначения формы правления русского средневекового государства, Ю. В. Кривошеев не показал, каким образом от обозначения внешнего статуса государства, т.е. его независимости и суверенности (который он признавал), термин «самодержавие» перешел к характеристике внутренней организации верховной власти, т.е. формы правления, и в какое время произошло изменение его значения.

Ю. В. Пуздрач, соглашаясь с В. О. Ключевским¹¹⁴, пишет, что термином «самодержавие»

¹⁰⁸ Фроянов И. Я. Завещание Ивана Грозного. Грозная опричнина. М. : Алгоритм ЭКСМО, 2009. С. 44.

Комментировать такую позицию в силу ее парадоксальности не считаю возможным, пояснение ей может дать только сам автор.

¹⁰⁹ См.: Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М. : Языки русской культуры, 1998. С. 106, 165 и др.

¹¹⁰ См. например: Кром М. М. Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV — начала XX в. СПб. : Наука, 2007. С. 44.

¹¹¹ См.: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 9—13.

¹¹² Проценко Ю. Л. Сословно-представительная монархия в России. Волгоград, 2003. С. 3—4.

Есть у Проценко и еще одно высказывание на эту тему: «В целом политический режим Московского государства в пределах указанного периода (середина XVI — середина XVII в.) можно охарактеризовать как сословно-представительную монархию с нарастающими самодержавными тенденциями» (Там же. С. 34). В этом высказывании элементы формы государства (форма правления и политический режим) даны в полном совмещении.

¹¹³ Булычев А. А. Указ. соч. С. 35, 38, 39 и др.

¹¹⁴ В. О. Ключевский пишет: «Московские государи усвоили себе титул самодержца, понимая его в смысле внешней независимости, а не внутреннего полновластия» (см.: Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М. : Мысль, 1989. Т. 6. Лекция : Терминология русской истории. С. 100—103).

в Средние века в России выражалось понятие о «независимости [государя и государства] от чужой внешней власти, отсутствие отчетной и данной обязанности»¹¹⁵. Однако, определяя форму правления, сложившуюся в XV—первой половине XVII в., он этого положения не придерживается, утверждая, что «с именем Дмитрия Донского связано создание православного самодержавия как нового вида политической власти на Руси»¹¹⁶; дальнейшее «укрепление самодержавия» наблюдается в период великого княжения Василия III, а упрочение «самодержавной власти» возлагается на «террор опричнины и опричников», который, по его мнению, «был вызван стремлением окончательно освободиться от опеки боярства, способного ограничить власть царя»¹¹⁷. Ю. В. Пуздрач высказывает предположение, что «укрепление самодержавия в России происходило на фоне совершенно других процессов, нежели чем на Западе», и «идеология русского самодержавия, возникшая во времена Грозного, есть идеология абсолютной монархии в восточном смысле слова»¹¹⁸.

А. В. Каравашкин и А. Л. Юрганов, также неоднократно заявлявшие о необходимости исторического подхода к источнику, усматривая главную задачу историка в воссоздании реальности прошлого без подмены мнения автора средневекового произведения описанием событий или представлением своего политического идеала, собственным его видением и пониманием¹¹⁹, тем не менее утверждают, что доктрины XVI в. объединяет «развитое учение о самодержавном единовластии как

форме монархической государственности»¹²⁰. В данном случае ученые для характеристики политических доктрин XVI в. употребили термин «самодержавие» в его современном значении — «абсолютизм»¹²¹.

Удивительно, что все четыре вышеозначенных автора отлично знали и понимали историческое содержание термина «самодержавие» и даже заявили об обращении именно к этой его семантике в своих исследованиях, однако все-таки употребляли термин «самодержавие» в значении «абсолютизм» при характеристике формы правления и содержания политических доктрин. Объяснить такой анализ средневековых категорий, как представляется, возможно только приверженностью к традициям, сложившимся во второй половине XIX в. — начале XX в., восходящим к формуле «самодержавие, православие и народность», усвоенным и тиражированным в советский период.

В диссертационных работах последних десятилетий признается необходимость исследования исторического и современного содержания терминов, которыми пользовались средневековые мыслители, но это признание не оказывает определяющего влияния на употребление самими диссертантами термина «самодержавие» применительно к средневековым категориям только в его современном значении.

Так, историк М. Б. Лукашевич в диссертации на тему «Эволюция формы российского государства», несмотря на юридический характер исследования, называет Московское государство «вотчинным деспотическим государством» —

¹¹⁵ Пуздрач Ю. В. История российского конституционализма IX—XX вв. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 40.

¹¹⁶ Указ. соч. С. 43.

¹¹⁷ Указ. соч. С. 78.

¹¹⁸ Пуздрач Ю. В. Указ. соч. С. 81.

В этом высказывании Ю. В. Пуздрач, по его собственным словам, «солидаризируется с Г. В. Плехановым». Действительно, Ю. В. Пуздрач приводит цитату из работы Г. В. Плеханова дословно (см.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914, Т. 1. С. 191).

¹¹⁹ См.: Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М. : РГГУ, 2003. С. 204.

¹²⁰ Каравашкин А. В., Юрганов Ю. Л. Мифы Московской Руси // Каравашкин А. В., Юрганов Ю. Л. Опыт исторической феноменологии. С. 121—122.

Противоречивым выглядит и суждение Р. Г. Скрынникова, полагающего, что «самодержавие стало официальной политической доктриной и в известном смысле формой монархии». Вместе с тем ученый не отрицает того факта, что «глава государства в XVI столетии не обладал неограниченной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно с советом крупных феодалов — Боярской думой и князьями церкви» (см.: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М. : Наука, 1975. С. 192).

¹²¹ Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. С. 204.

совершенно непонятно, что автор имеет в виду: форму правления, политический режим (деспотизм) или тип государства (вотчинное)? Далее М. Б. Лукашевич приходит к выводу о том, что «Земские соборы XVI—XVII столетий не имели ничего общего с европейским парламентаризмом, и по своей форме Российское централизованное государство является унитарным и монархическим, причем власть монарха носила абсолютный характер»¹²².

Политолог Н. В. Асонов в диссертации, посвященной изучению политических доктрин российского самодержавия, в качестве одной из задач исследования называет «выяснение генезиса и эволюции *политических доктрин российского самодержавия* (курсив автора) в контексте исторического и современного дискурса... при строгом соблюдении терминологического единства всеми представителями общественных наук, анализирующих вопросы общественно-политической мысли»¹²³. Постановка проблемы своевременная и обоснованная, однако совершенно неясно, какие доктрины Н. В. Асонов имеет в виду, когда характеризует все политические теории русского Средневековья как «доктрины русского самодержавия». Представляется, что заявленная Н. В. Асоновым методология в диссертационном исследовании последовательно не применялась, поскольку термином «самодержавие» у него одновременно обозначался суверенитет государства (историческое значение) и форма правления, понимаемая как «абсолютизм» (современное значение). Например, Н. В. Асонов употребляет термин «самодержавие» в значении «абсолютизм» при характеристике различных этапов развития российской государственности и сопровождающих их политических (государственных) доктрин, что подтверждается такими формулами, как: «доктрина самодержавного абсолютизма», «самодержавная соборность», «православный абсолютизм». При этом Н. В. Асонов не учитывал, что в тот период, когда возник термин «абсолютизм», обозначающий абсолютную монархию как форму правления (XVIII в.), термин «самодержавие» изменил свою семантику и стал употребляться как

синоним абсолютизма, и поэтому такое сочетание, как «самодержавный абсолютизм» представляется нонсенсом (нелепостью) с точки зрения законов логики. В автореферате под общим понятием «политические доктрины российского самодержавия» объединяются все политические доктрины — начиная с XV в. и по первую четверть XX в. включительно. Непосредственное содержание политических учений мыслителей и публицистов русского Средневековья в автореферате не раскрывается, но все они с теми или иными прилагательными характеризуются как «доктрины российского самодержавия».

Несколько похожая ситуация наблюдается и в диссертационном исследовании юриста С. В. Серёгина «Форма государственного правления». Казалось бы, при такой теме можно ожидать и анализа терминологии, обозначающей форму государства и все ее элементы на разных этапах государственного строительства. Однако почти сразу дается такое определение: «самодержавие — особый вид неограниченной монархии... самодержавие есть идеальная конструкция (земской) монархии, самоуправляемой на духовно-нравственных началах политического бытия». При этом оказывается, что «ближе всего к самодержавию стояла Московская Русь (XVI—XVII вв.) с органически организованными Земскими соборами, царем, Боярской думой и губным самоуправлением народа»¹²⁴. Если рассматривать определение, которое дал С. А. Серёгин «особому виду самодержавия», то, по существу, это и есть сословно-представительная монархия, но с нечетким употреблением терминологии. Из нижеследующего текста очевидно, что он еще характеризует форму правления России XVI в. как «коллегальную монархию». Классификация видов монархий, как пишет автор далее, нуждается в уточнении¹²⁵. Действительно, в современной науке теории государства и права поставлен вопрос о том, что существующая классификация монархий как форм правления на данном этапе развития научного знания является недостаточной. На ее неполноту обратил внимание один из ведущих государствоведов В. Я. Чиркин, предлагая расширить классификацион-

¹²² Лукашевич М. Б. Эволюция формы Российского государства : автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

¹²³ Асонов Н. В. Указ. соч. С. 4, 18 и др.

¹²⁴ Асонов Н. В. Указ. соч.

¹²⁵ Серёгин А. В. Форма государственного правления (Вопросы теории) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. С. 25, 27.

ные критерии монархической формы правления по трем моделям: монархическую (монистическую), доминантно-сегментарную и поликратическую (плюралистическую) модели¹²⁶. Л. И. Морозова, рассматривая представленную В. Е. Чиркиным «оригинальную модель классификации форм государства» (форм правления), отметила, что «в ней есть немало достоинств и недостатков, но вместе с тем она излишне усложнена и, по существу, ориентирована на особенности государственного (политического) режима», а поэтому нуждается в более подробной разработке¹²⁷. К сожалению, дальнейшего развития в теории государства и права модели В. Е. Чиркина не получили.

А. В. Серегин тоже предложил дополнительную классификацию монархий по следующим критериям: по форме — на персонально-волевую и смешанную; по способу образования — на династическую и электоральную. Постановка проблемы теоретически обоснована и является действительно новой в теоретической науке, но вместе с тем вопрос возможности характеризовать форму правления России XVI в. при посредстве термина «самодержавие» остался необъясненным именно в связи с тем, что диссертант не проанализировал историческое и современное содержание этого термина и, соответственно, не разъяснил, в каком значении он сам его употреблял применительно к разным этапам государственного строительства России.

Зарубежные ученые в своем большинстве называют форму правления Московского государства XVI в. самодержавием, раскрывая это понятие как «деспотическое правление»¹²⁸. На самом же деле, в таком ракурсе рассматривается только политический (государственный) режим. Действительно, деспотический политический режим имел место в царствование Ивана IV при реализации им опричных ме-

роприятий. Однако и при опричном режиме Боярская дума принимала активное участие в законодательстве (ст. 98 Судебника 1550 г.); Земские соборы продолжали собираться для решения существенных для государственного строительства вопросов, т.е. в качестве формы правления продолжала функционировать сословно-представительная монархия.

Проблема несоответствия в научных исследованиях содержания формы правления и обозначающей ее терминологии была замечена С. О. Шмидтом еще в 1970 г., когда он предложил воспринимать понятие «абсолютизм» в двух смыслах: как форму правления, и в этом смысле абсолютная монархия складывается «в середине XVII века или при Петре I», и как «эпоху, совпадающую с определенными социально-экономическими явлениями». Во втором смысле абсолютизм становится очевидным уже во второй половине XVI в., т.е. в период опричнины¹²⁹. Такая постановка вопроса проблему не разрешает, поскольку в этом высказывании наблюдается совмещение формы правления с политическим режимом, в данном случае опричниной.

Юристы Ю. П. Титов и В. А. Рогов еще в конце XX столетия обосновали тезис о том, что Россия «в своем развитии прошла те же этапы, что и страны Западной Европы... русское феодальное государство развивалось в русле мировой цивилизации»¹³⁰, а сословно-представительная монархия в России была «аналогична сословно-представительным монархиям Англии, Франции, Испании, Германии... Земские соборы по своей сути соответствовали парламенту, генеральным штатам, кортесам и ландтагам...»¹³¹.

Точка зрения на форму правления второй половины XVI — середины XVII в. как на сословно-представительную монархию практически разделяется всеми историками-юристами и из-

¹²⁶ Чиркин В. Е. Государствоведение : учебник для магистрантов по направлению «Юриспруденция». Изд. 3. М. : Воронеж, 2012. С. 179—182.

¹²⁷ Морозова Л. А. Теория государства и права. Изд. 2-е М. : Эксмо, 2007. С. 94.

¹²⁸ Носов Е. Н. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 36—37.

¹²⁹ См.: Отчет о заседании Ученого совета Института истории АН СССР по итогам дискуссии об абсолютизме // История СССР. 1972. № 4. С. 83.

¹³⁰ Титов Ю. П. Проблемы русского абсолютизма // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. трудов ВЮЗИ. М. : ВЮЗИ, 1980. С. 13. См. также: Рогов В. А. История государства и права России IX—XX веков. С. 41—43.

¹³¹ Титов Ю. П. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Сословно-представительные монархии: государственность — право — идеология : сб. науч. трудов. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 11—112. См. также: Рогов В. А. История государства и права России IX—XX вв. С. 41—42.

лагается во всех учебных курсах по дисциплинам «История государства и права России» и «История политических и правовых учений»¹³².

Разногласия между исследователями, как представляется, имеют две основные причины: *первая* — игнорирование исторического содержания термина «самодержавие», и экстраполяция на Средние века его современного значения — «абсолютизм»; *вторая* — подмена элементов формы государства: формы правления (организация верховной власти) политическим режимом (совокупность средств методов реализации верховной власти в государстве)¹³³. В большинстве вышеприведенных высказываний совмещены оба элемента формы государства: форма правления и политический режим.

Еще одним спорным термином, также имеющим значение для характеристики формы правления, равно как и содержания политических идеалов средневековых мыслителей, является термин «теократия». Он образовался из соединения двух греческих слов: Theos (Бог) и kratos (власть).

На протяжении всего Средневековья эта формула выражала представление об управлении миром премудрым промыслом Божиим, который «неведомыми для человека путями...

направляет жизнь людей к высокой цели спасения, и человеку остается только смиренно покоряться благому руководству промысла Божьего, покорно и с благодарностью принимать те испытания, которые нам посылаются»¹³⁴. В этом смысле всем средневековым мыслителям, рассуждения которых базируются на религиозно-философской основе, действительно было «присуще провиденциально-теократическое мировоззрение»¹³⁵. В таком ракурсе применение термина «теократия» вполне пригодно для характеристики мировоззрения средневекового человека, но не для определения формы правления, поскольку не соответствует его изначальной семантике и средневековыми мыслителями никогда в этом значении не употреблялось. Вряд ли возможно характеризовать великого князя Василия III как «носителя не только светской, но и духовной власти», представляя его власть как теократическую¹³⁶; и еще менее объективно называть организацию верховной власти в России в XV—XVI вв. «теократическим самодержавием»¹³⁷ или «теократическим абсолютизмом»¹³⁸.

Распространять этот термин на характеристику формы правления представляется неадекватным и, более того — не соответствующим его изначальной семантике и, соответственно,

¹³² Например: *Исаев И. А.* История государства и права России. Изд. 4. М., 2009. Гл. II ; *Рогов В. А.* История государства и права России IX — начало XX веков. Гл. III. § 3 ; История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М. : Былина, 1996. Гл. VI (автор — В. М. Клеандрова) ; История государства и права России / под ред. С. А. Чибиряева. М. : Былина, 1998. Гл. 5 (автор — В. М. Курицын).

¹³³ Давно известно, что политический режим может оказывать деформирующее влияние на форму правления, не отменяя ее, и даже не изменяя ее структурные элементы. В XX в. мы имели два ярких примера: в Германии была республика и действовал парламентарный орган Рейхстаг, но введенный Гитлером политический режим (фашизм) деформировал эту форму правления введением террористических средств и способов реализации политической власти; весьма близкая ситуация сложилась и в Советском Союзе, в котором формой правления была республика во главе с двухпалатным Верховным Советом, однако политический режим, установленный Сталиным, признанный в настоящее время авторитарным, оказал настолько сильное давление на форму правления и сознание граждан, что можно охарактеризовать их поведение словами Ивана Тимофеева, упрекавшего своих соотечественников в том, что они, скованные страхом, «молча смотрели на невинных погибели» во время бессудных расправ Ивана Грозного над своими подданными. Но при всем этом ни про Германию, ни про Советский Союз 1930—1940-х гг. мы не можем утверждать, что там изменилась форма правления — в обеих странах она оставалась республикой.

¹³⁴ *Малинин В. Н.* Указ. соч. С. 531, 596.

¹³⁵ *Малинин В. Н.* Указ. соч. С. 596, 531.

¹³⁶ *Водовозов Н. Н.* История древней русской литературы. М. : Просвещение, 1972, С. 227—228.

¹³⁷ *Берман Б. И.* Читатель жития // Художественный язык Средневековья : сб. статей. М. : Наука, 1982. С. 175.

¹³⁸ *Medlin W. K.* Moscow and East Rome. A Political Steady of the Relations of Church and State in Muscovite Russia. Geneva, 1952.

историческому значению. В том случае, если современные исследователи применяют термин «теократия» для характеристики формы правления XVI в. в России, необходимо считаться с тем, что он в Новое и Новейшее время приобрел другое содержание¹³⁹ и стал обозначать «форму правления, при которой политическая власть принадлежит духовенству, церкви»¹⁴⁰, «соединение гражданской и духовной власти в одном лице»¹⁴¹. В юридической монографии, специально посвященной анализу форм и типов современных государств, дается следующее определение теократической формы правления: «Глава государства — монарх — является одновременно главой религиозного культа. Примером может служить Ватикан»¹⁴², а в учебнике для юридических вузов перечисляются признаки теократического государства:

- 1) государственная власть принадлежит религии, имеющей официальный статус государственной;
- 2) религиозные нормы составляют основной источник законодательства;
- 3) глава государства одновременно является высшим религиозным деятелем, верховным священнослужителем¹⁴³.

Подобное толкование термина «теократия» в Новейшем времени приводится здесь в целях демонстрации его современного значения.

Исходя из первоначальной этимологии термина «теократия» вполне возможно допустить его философско-богословское толкование применительно к мирозданию и Творцу, но при характеристике политических идеалов мыслителей XVI в. и моделируемых ими форм правления, оцениваемых современными исследователями, следует, как представляется, ориентироваться на общепринятое в XIX—XXI вв. семантическое значение термина «теократия», иначе возникает неоправданная актуализация подхода к совершенно другой исторической эпохе.

В связи с изложенным необходимо отметить, что определение политического идеала митрополита Макария как «теократической монархии» вызывает серьезные сомнения, ибо Макарий никогда не претендовал (во всяком случае в известных на настоящее время его сочинениях) на совмещение в своем лице «гражданской и церковной власти», равно как и сосредоточение в лице Московского государя, наряду со светским, церковного полновластия.

Вряд ли возможно также считать «чисто теократическим взгляд на государство» неизвестного автора «Валаамской беседы». В «Беседе» неоднократно повторяется, что «царем и великим князем достоин в миру... всякие дела милосердно делати с своими князи и з бояры и с протчими миряны, а не с иноки» (курсив мой. — Н. З.); «не с иноки Господь повелел царем царство и грады, и волости держати и власть имети — с князи и бояры и с протчими миряны, а не иноки. Иноком повелел Господь за царя и за великих князей в смиренном образе Бога молити»¹⁴⁴. В «Ином сказании тоя же беседы» автор уточняет свои позиции, предлагая главе государства «с радостью воздвигнути единомысленный вселенский совет», образованный «ото всех градов своих и от уездов градов своих... и всегда держати погодно при себе... ни на един час не разлучая»¹⁴⁵.

Таким образом, в «Валаамской беседе» и «Ином сказании тоя же беседы» речь идет о распределении обязанностей между царством и священством, при котором цари должны царствовать «со своими князьями, боярами и прочими мирянами», а духовенство за них Бога молить. Здесь не сказано о каком-либо совмещении властей духовной и светской в лице царя или князя, равно как и высшего представителя церкви. В. Н. Малинин, анализируя «Валаамскую беседу», обратил внимание на постановку вопроса о разделении государственной (мирской) и церковной властей,

¹³⁹ Словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 9-е изд. 1982. С. 491 ; Толковый словарь В. Даля. Т. IV. С. 308.

¹⁴⁰ Словарь иностранных слов. 9-е изд. М. : Русский язык, 1982. С. 491.

¹⁴¹ Толковый словарь В. Даля. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. IV. С. 398 ; Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. 3-е изд. М., 1953. С. 734.

¹⁴² Формы и типы государства // Теория государства и права / под ред. А. В. Малько и А. Ю. Саломатина. СПб. : Изд-во Р. Асланова, 2007. С. 64 (автор главы — С. Ю. Шуменков).

¹⁴³ Морозова Л. А. Теория государства и права. Изд. 2-е. М. : Эксмо, 2010. С. 75—76.

¹⁴⁴ Моисеева Г. Н. Указ. соч. Тексты. С. 162, 163.

¹⁴⁵ Указ. соч. Тексты. С. 192.

с четким определением сферы влияния священнического и иноческого чина: «благоверие и спасение мира всего»¹⁴⁶.

Тем не менее некоторые ученые (как российские, так и зарубежные) продолжают утверждать, что мыслители русского Средневековья, в их числе автор «Валаамской беседы», Псковский старец Фаилофей, митрополиты Макарий и Даниил, игумен Троице-Сергиева монастыря Иосиф Волоцкий и др., утверждали в своих учениях «теократический характер верховной власти», которая в их трудах, а особенно в «Чине венчания» (Макарий), «выступает вполне наглядно»¹⁴⁷. Б. А. Успенский даже полагает, что «идея “Москва — Третий Рим”» (Филофей) «подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию»¹⁴⁸. Б. А. Успенский предполагает, что реализация этой идеи в Византии якобы послужила примером для многих мыслителей XVI в., и Филофея в том числе. Однако непосредственно у Филофея не просматривается «ориентация на Византию» в данном вопросе, и ее было бы весьма трудно даже и предположить в той обстановке, в которой писал Псковский старец: подписание Византией Флорентийской унии в 1439 г., что означало ее отказ от православия (во всяком случае так в России понимали подписание Флорентийской унии греками); завоевание Константинополя турками в 1453 г.; поправление христианских святынь — все эти обстоятельства вряд ли могли стимулировать автора Посланий ориентироваться на Византию.

Н. В. Водовозов также считает, что «Филофей подчеркивал теократический характер верховной власти», ибо, «по утверждению Филофея, московский князь — носитель не только светской, но и духовной власти»¹⁴⁹. Однако далее этот же автор утверждает, что «церковь устами старца Елеазарова монастыря пыталась сделать

Василия III орудием в своих руках и подчинить светскую власть церкви», а это уже другая теория: о превосходстве священства над царством, но Филофей в своих Посланиях ни той, ни другой теории не придерживался. Он действительно, как справедливо отмечает Н. В. Водовозов, хотел видеть в лице государства и лично государя Василия III «защитника церковных интересов», но такое представление не равнозначно теократии, а вполне находится в русле распространенной в XV—XVI вв. теории «симфонии властей»¹⁵⁰.

Б. И. Берман, характеризуя форму правления в Московском государстве XV—XVI вв., называет ее «теократическим самодержавием», полагая, что «гибкость властвования требует не одного только внешнего владения подданными, но и духовного владычества. Теократия подобного типа поддерживает физическое подданство церкви как уполномоченной Бога на земле», а все средства принуждения, которыми обладает государственная власть, «подкрепляют власть духовную, что должно создавать устойчивый баланс всестороннего принуждения и подданства»¹⁵¹. Автор в этих строках вполне убедительно представил в практике взаимодействия светской и духовной властей реализацию теории симфонии властей. Значение употребленного им словосочетания «теократия подобного типа, при самодержавной форме правления» остается не разъясненной.

В иностранной литературе сохраняется приблизительно такая же терминологическая нечеткость. Так, Д. Стремоухов пишет, что теория «Москва — Третий Рим» Филофея воспринимается как базис, на котором «покоилась теократическая власть московских царей»¹⁵²; К. Медлин вообще называет форму правления в Московском государстве XVI в. «теократическим абсолютизмом»¹⁵³.

¹⁴⁶ Малинин В. Указ. соч. С. 642.

¹⁴⁷ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. С.86, 115.

¹⁴⁸ Успенский Б. А. в соавторстве с Лотманом Ю. М. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Культурное наследие Древней Руси. (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 236—249.

¹⁴⁹ Водовозов Н. В. Указ. соч. С. 227.

¹⁵⁰ Водовозов Н. В. Указ. соч. С. 228.

¹⁵¹ Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского Средневековья и традиция его восприятия) / Художественный язык Средневековья. С. 175.

¹⁵² Стремоухов Д. «Москва — Третий Рим»: источник доктрины // Из истории русской культуры. Московская и Киевская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. II. Кн. I. С. 425—441.

¹⁵³ Medlin W. Op. cit.

В этих высказываниях усматривается тот же сюжет, что и при применении термина «самодержавие». В результате в определении формы правления в Российском государстве в XV–XVI вв., равно как в интерпретации и оценке политических идеалов мыслителей, на сегодняшний день отсутствует согласованность в основном категориальном аппарате, происходящая из-за недоговоренности в отношении понимания и применения не только термина «самодержавие», но и термина «теократия» и обозначаемых ими понятий. Если исключить из содержания термина «теократия» политический аспект, соглашаясь только с философско-богословским его толкованием, то вполне возможно предположить, что «в основе теократии лежит идея богоизбранного царства, направляющего жизнь человечества к конечной цели бытия на земле», и в этом смысле данный термин возможно применить для характеристики религиозного мировоззрения средневековых людей, но отнюдь не для определения формы правления в государстве.

Так, В. Малинин, следуя богословско-философскому пониманию этого термина, называет мировоззрение Псковского старца Филофея «провиденциально-теократическим»¹⁵⁴. В этом значении термин «теократия» вполне подходит для миропонимания мыслителя. Следовательно, необходимо разграничивать содержание термина «теократия» в его философско-богословском и политическом вариантах толкования.

Представляется, что недопустимо одним и тем же термином, не объясняя его семантического значения, характеризовать совершен-

но разные по смыслу и значению категории (мировоззрение и форму правления), что приводит к серьезному искажению представления об этапах государственного строительства в России и содержания сопровождающих их политико-правовых идей мыслителей и публицистов средневековой России.

Эти же соображения в равной степени относятся и к рассмотренным в настоящей статье терминам «самодержавие» и «абсолютизм», применение которых должно обуславливаться их историческим и современным содержанием с учетом адекватного употребления элементов формы государства: формы правления и политического режима.

Вывод

Необходимо четкое разграничение исторического и современного содержания ключевых терминов понятийного аппарата средневековых мыслителей (в данном случае «самодержавие», «абсолютизм» и «теократия»), а также адекватное определение элементов формы государства: формы правления и политического режима. Если пренебречь этими соображениями, то получается, что одними и теми же терминами, не объясняя их семантического значения, характеризуются совершенно разные по смыслу и значению категории, сложившиеся и действовавшие на разных этапах государственно-правового строительства, что приводит к серьезному искажению представления о формах правления и содержании сопровождающей их политико-правовой идеологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Medlin W.* Moscow and East Rome. A Political Steady of the Relations of Church and State in Muscovite Russia. — Geneva, 1952.
2. *Алексеев Ю. Г.* Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по истории средневековой Руси. — М., СПб., 2006.
3. *Берман Б. И.* Читатель жития (Агиографический канон русского Средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык Средневековья : сборник статей. — М., 1982.
4. *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. — М., 2005.
5. *Вальденберг В. Э.* Древнерусские учения о пределах царской власти. — М., 2006.
6. *Водовозов Н. В.* История древней русской литературы. — М., 1972.
7. *Временник Ивана Тимофеева.* — М., Л., 1951.

¹⁵⁴ *Малинин В.* Указ. соч. С. 524—525, 531, 581—582.

8. Гальперин Г. Б. Сословно-представительная монархия и опричнина в России // Вестник ЛГУ. — 1967. — Вып. 4. — № 23.
9. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль. — М., 1990.
10. Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. — М., СПб, 2014.
11. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. — М., Л., 1955.
12. Зимин А. А. Россия на пороге нового (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). — М., 1972.
13. Казакова Н. А. Очерки русской общественной мысли. Первая треть XVI в. — Л., 1970.
14. Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. — М., 2003.
15. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Курс русской истории. — М. : Мысль, 1988.
16. Князьков С. А. Самодержавие в его исконном смысле. На правах рукописи. — СПб., 1906.
17. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. — М. : Мысль, 1985. — С. 10.
18. Кром М. М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30—40-х годов XVI в. — М., 2010.
19. Курбский А. М. История о великом князе Московском. — СПб., 1913.
20. Кусков В. В. История древней русской литературы. — М., 2002.
21. Лурье Я. С. Избранные письма и статьи. Нерешенные вопросы в истории идеологических движений конца XV в. — первой половины XVI в. — СПб., 2011.
22. Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его Послания. — Киев, 1901.
23. Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. — М., Л., 1958.
24. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969.
25. Отенский Зиновий. Истины показание к вопросившим о Новом Учении. — Казань, 1863.
26. Покровский В. С. История русской политической мысли. Конспект лекций. — М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1951.
27. Проценко Ю. Л. Сословно-представительная монархия в России. — Волгоград, 2003.
28. Пуздрач Ю. В. История российского конституционализма IX—XX вв. — СПб., 2004.
29. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология. Очерки IX — середины XVII в. — М., 2006.
30. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. — М., 1975.
31. Сочинения преп. Максима Грека. Казань. — 1860—1862.
32. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб., 1903.
33. Стремоухов Д. «Москва — Третий Рим»: источник доктрины // Из истории русской культуры. Московская и Киевская Русь. — М., 2002. — Т. II. — Кн. I.
34. Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. — СПб. : Наука, 2001.
35. Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. — СПб., 2007.
36. Фроянов И. Я. Драма русской истории. — М., 2007.
37. Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—40-е годы XVI в. — СПб., 2006.

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2015 г.

HISTORICAL AND MODERN MEANING OF THE POLITICAL AND LEGAL TERMINOLOGY

ZOLOTUKHINA Natalia Mikhailovna — Doctor of Law, Chief Scientific Researcher at the Department of Theory and History of Law, State and Judiciary
Russian State University of Justice Professor
nzolotuhina@list.ru
117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya Str., 69.

Review. *The proposed article raises the issue of the need for clear delineation in historical research of historical and contemporary meanings of the concepts. In this case, the terms in question are: autocracy, absolutism and theocracy. The term "autocracy" is of historical and contemporary significance. In XII-XVII centuries it was used to describe only independence and sovereignty of the State; the repository of supreme power, called autocrat, was perceived as a sovereign, independent from any other Lord, not paying tribute, i.e. sovereign Tsar.*

In that period the term "autocracy" was determined by the independence and sovereignty of the Tsar and his State, both in internal and especially external relations. Absolute monarchy ("absolutism") as a form of Government began to establish only in the second half of the 17th century, and obtaining its legal meaning in the first quarter of the 18th century. During that period the term "autocracy" changed its semantics, going from broad meaning - State sovereignty to a limited one, characterizing the supreme power in its internal functioning, designating it as the unrestricted monarchy ("absolutism"). Since then, the terms "autocracy" and "absolutism" have become synonymous. In such a meaning they are applied now, therefore, it appears that in order to provide adequate characteristics of stages of nation-building in Russia it is necessary to clearly distinguish between historical and contemporary significance of such key terms of medieval legislators and thinkers as the "autocracy" and "absolutism".

Soviet and partly modern humanitarian science mainly treats the term "autocracy" only in its modern meaning - absolutism, without matching it with time of occurrence, determining the initial meaning, and subsequent evolution, which often causes researchers to proclaim the occurrence of absolutism in Russia already in the XV-XVI centuries, calling this form as an "autocratic despotism" (D.N. Alshits, Ya.S. Lurie and others), "unlimited autocracy" (in the meaning of "absolutism" — S.A. Orlov, V.A. Georgiev, etc.); "territorial autocracy" (A.Yu. Dvornichenko, Yu.V. Krivosheev); "Orthodox autocracy" (R.T. Muhaev, Yu.V. Puzdrach, I.Ya. Froyanov).

Accordingly, the political doctrines of the period are characterized as "doctrines of Russian autocracy", "autocratical absolutism" (N.V. Asonov); "a developed doctrine of autocratic absolute rule" (A.V. Karavashkin, A.L. Yurganov).

Such an analysis of medieval categories may only be explained by adherence to the traditions prevailing in the second half of XIX-beginning of XX centuries, amounting to the formula: "autocracy, orthodoxy, and nationality", acquired and copied during the Soviet period.

Meanwhile, the view on the form of Government established in the second half of the XVI-XVII centuries, both at class representing monarchy, virtually shared by all historians, lawyers and laid open in all courses on "History of State and Law of Russia" and "History of Political and Legal Doctrines". The root of disagreements between researchers appears to have two main causes: the first is ignoring the historical content of the term "autocracy" and extrapolation onto the Middle Ages of its contemporary meaning of "absolutism"; the second is the substitution of the form States: form of government (the supreme power organization) by political regime (means of implementation techniques of supreme power in the State). In most of the above remarks both elements of the form of a State are combined: the form of government and political regime.

The article alleges overdue need to develop a common methodology for the use of terms describing medieval statehood and the accompanying political and legal ideology, applying the terms of key legislators and thinkers of the medieval apparatus in their historical rather than contemporary significance.

Keywords: Middle Ages, ideology, discussion, terms, research methodology, categories, autocracy, despotism, theocracy, the Supreme authority, tradition, typology, source, monarchy, conceptual apparatus, synonyms, Board, sinklit, evolution, allegory, State law, truth, law and truth.

BIBLIOGRAPHY

1. *Medlin W.* Moscow and East of Rome. A Steady of the Political Relations of Church and State in Muscovite Russia. Geneva, 1952
2. *Alekseev, Yu.G.* Notes on the Religiosity of Ivan III // Research on the History of Medieval Russia. M., Spb., 2006.
3. *Berman, B. I.* The Reader of a Biography. (Hagiographical Canon of Medieval Russian and Tradition of its Perception) // The Artistic Language of the Middle Ages. Moscow, 1982.
4. *Bulychev, A.A.* Between Saints and Demons. Notes on the Posthumous Fate of the Disgraced Tsar Ivan the Terrible. Moscow, 2005.
5. *Val'denberg, V. E.* Ancient Teachings about the Limits of Royal Power. Moscow. 2006.
6. *Vodovozov, N. V.* History of Ancient Russian Literature. M., 1972.
7. *Chronicle of Ivan Timofeyev.* Moscow, Leningrad, 1951.
8. *Galperin H. B.* Class Representative Monarchy and Oprichnina in Russia // Bulletin of LSU. Issue 4. No.23. 1967.
9. *Gromov, M. N., Kozlov, N.S.* Russian Philosophical Thought. Moscow, 1990.
10. *Gurevich, A. Ya.* Selected works. Medieval World. M., Spb, 2014.
11. *Dmitrieva, R.P.* Legend of the Princes of Vladimir. Moscow, Leningrad, 1951.

12. *Zimin A. A.* On the Eve of a New Russia. (Essays on Political History of Russia in the First Third of the 16th Century). M., 1972.
13. *Kazakova, N. A.* Essays on Russian Public Opinion. First Third of the 16th century. Leningrad, 1970.
14. *Karavashkin, A. V., Yurganov, A. I.* Experience of Historical Phenomenology. The Hard Way to Obviousness. Moscow, 2003.
15. *Klyuchevskiy, V. O.* Writings in 9 Volumes. The Course of Russian History. Moscow: Mysl. 1988.
16. *Knyazkov, S. A.* Autocracy in its Original Sense. A Manuscript. St. Petersburg. 1906.
17. *Kobrin V. B.* Power and Property in Medieval Russia. Moscow: Mysl. 1985. p.10.
18. *Krom, M. M.* "Widowed Kingdom". The Political Crisis in Russia During the 30s and 40s of the 16th Century. Moscow, 2010.
19. *Kurbtsky, A. M.* History of the Grand Prince of Moscow. Spb., 1913.
20. *Kuskov, V. V.* History of Ancient Russian Literature. Moscow. 2002.
21. *Lurie, Ya. S.* Selected Letters and Articles. Unresolved Issues in the History of Ideological Movements of the late 15th Century-first half of XVI Century. St. Petersburg. 2011.
22. *Malinin, I. N.* Starets Philotheus of Eleazarov Monastery and his Message. Kiev. 1981.
23. *Moiseeva, G. N.* Valaam Conversation - Landmark of Russian Journalism of Mid-16th Century. Moscow-Leningrad, 1958.
24. *Nosov, N. E.* Becoming a Class Representative Institutions in Russia. Leningrad. 1969.
25. *Otenskiy Zinoviy.* The Showing of Truth to Those Asking about Neodoxy. Kazan. 1863.
26. *Pokrovskiy, V. S.* History of Russian Political Thought. Lecture Notes. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 1951.
27. *Protsenko, Yu. I.* Class Representative Monarchy in Russia. Volgograd. 2003.
28. *Puzdrach, Yu. V.* History of Russian Constitutionalism of the IX-XX Centuries. St. Petersburg. 2004.
29. *Rogov, V. A., Rogov V. V.* The Old Russian Legal Terminology. Essays of IX-mid XVII Centuries. Moscow. 2006.
30. *Skrynnikov, R. G.* Ivan The Terrible. Moscow. 1975.
31. *Writings of Venerabli Maksim Grek.* Kazan. 1860-1862.
32. *Sreznevskiy, I. I.* Materials for a Dictionary of the Old Russian Language. St. Petersburg. 1903.
33. *Stremouhov, D.* "Moscow Is The Third Rome": the Source of the Doctrine // From History of Russian Culture. Moscow and Kiev Rus. Moscow. 2002. Vol. II. In.: I.
34. *Tvorogov, O. V.* Ancient Rus'. Events and People. Spb: Nauka. 2001.
35. *Filyushkin, A. I.* Andrey Mikhailovich Kurbsky. St. Petersburg. 2007.
36. *Froyanov, I. Ya.* The Drama of Russian History. Moscow, 2007.
37. *Shaposhnik, V. V.* Church and State Relations in Russia in 30-40ss of the 16th Century. St. Petersburg. 2006.